

ПОСЛЕДНЯЯ ДВЕРЬ

Ричард Грант

Последняя дверь

<https://litres.ru/73914203>

SelfPub; 2026

Аннотация

Башня появилась там, где не должно было остаться ничего живого.

Люди приходят к ней за ответами, спасением или концом. Одни теряют память. Другие — страх. Некоторые возвращаются уже не совсем людьми.

Лира знает о башне больше, чем должна. Когда-то именно она открыла дверь, после которой мир начал медленно меняться. С тех пор внутри башни растёт голод — не к телам, а к боли, вине и желанию исчезнуть.

Теперь Лира возвращается туда вместе с теми, кто ещё способен выбирать.

Но чем глубже они спускаются, тем опаснее становится не смерть, а потеря причины идти дальше.

Потому что в сердце башни нет чудовища.

Только место, где любой выбор однажды становится началом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 2	31
Глава 4	44
Глава 3	56
Глава 6	68
Глава 4	82
Глава 8	93
Глава 5	108
Глава 10	121
Глава 6	135
Глава 7	150
Глава 8	167
Глава 9	182
Глава 10	194
Глава 11	204
Глава 12	226
Глава 13	240
Глава 14	267

Ричард Грант

Последняя дверь

Глава 1

Дорога не обрывалась — она просто сошла на нет.

Сначала пропали отпечатки сапог, редкие следы колёс, колеи. Потом — всё сразу.

Дальше никто не ходил уже давно.

Земля впереди лежала ровная, нетронутая — чужая.

Она остановилась раньше, чем поняла почему.

Взгляд скользнул вниз, по своим следам. Потом — вперёд.

Задержался дольше, чем стоило.

Слишком чисто.

Она уже видела такое.

И каждый раз всё начиналось одинаково — а заканчивалось плохо.

Деревня у реки. Та же пустота. Та же тишина, которая сначала кажется обычной.

И люди... живые только снаружи.

Она провела языком по сухим губам.

— Значит, здесь.

Голос прозвучал глухо, будто его прижали изнутри.

Она поправила ремень на плече и двинулась к воротам.

Одна створка лежала в грязи, частично утонув в воде. Доски разбухли, потемнели.

Вторая держалась на петлях, перекошенная.

Её пытались сорвать.

И не смогли.

Дерево не раскололи — его рвали.

Она наклонилась, провела пальцами по краю.

Глубокие борозды. Ровные. Не случайные.

— И здесь отметился, — пробормотала она.

Пальцы сжались сами собой.

Она шагнула внутрь.

Сразу стало ясно: дело не в тишине.

Звуки не держались.

Шаг — есть.

И сразу нет.

Как будто их стирали.

Она остановилась.

Прислушалась.

Собственное дыхание звучало чужим. Чуть глубже, чем

должно.

Она выдохнула медленно.

Звук не остался.

Знакомо.

— Значит, он оставлял след.

Она пошла по улице, считая шаги.

Десять.

Двадцать.

На тридцати ждала, что сойдёт.

Не сбилась.

И это было хуже.

Двери домов стояли открытыми. Не выбиты, не сорваны

— просто распахнуты.

Их не считали нужным закрывать.

Занавески едва заметно шевелились.

Ветра не было.

Она остановилась у порога одного дома. Не заходя внутрь.

Слишком чисто — даже для брошенного дома.

В таких местах обычно что-то остаётся — кровь, перевёрнутая мебель, следы спешки.

Здесь не было ничего.

Это раздражало сильнее, чем беспорядок.

— Терпеть не могу, когда всё слишком ровно.

Потому что аккуратность означала: никто не пытался бо-

ротья.

Она заглянула внутрь.

Комната выглядела жилой. Не брошенной.

На столе стояла кружка, рядом лежал кусок хлеба — край подсох и потемнел.

На спинке стула висела рубаха.

Человек вышел на минуту.

И не стал запираеть дверь.

И не вернулся.

Или вернулся — уже не тем.

Пальцы дрогнули.

Всплыло лицо — женщина из той деревни. Та же спокойная улыбка.

И голос, который звучал не из неё:

«Ты опоздала».

Она резко выдохнула.

— Не сейчас.

Площадь открылась не сразу.

Сначала она заметила человека.

Мужчина сидел у стены, ссутулившись.

Руки лежали на коленях слишком ровно. Их сложили.

Она подошла и окликнула его.

Никакой реакции.

Она присела рядом, коснулась плеча.

Тёплый.

Слишком.

Мужчина поднял голову.

И посмотрел на неё.

Она поняла.

Дело было не в пустоте глаз — скорее наоборот.

В них было лишнее внимание.

Он смотрел так, будто ждал.

Долго.

И заранее.

И улыбнулся.

Она не сразу заметила, что уже держит нож.

— Сколько вас?

Он наклонил голову, словно разбирая смысл не в словах.

Потом тихо сказал:

— Ты пришла.

Она отдернула руку.

Сердце ударило сильнее.

— Кто ещё здесь?

Он не ответил.

Только смотрел.

И улыбался.

Она услышала шаги.

Сначала один.

Потом ещё.

Звуки появлялись — и сразу глохли, но их становилось больше.

Некоторые шаги звучали ближе, чем люди.

Она поднялась и обернулась.

Сначала вышел один.

Потом — ещё один, но уже с другой стороны улицы.

Она не заметила, когда их стало больше.

Мужчины, женщины, старики. Даже ребёнок — лет десяти.

Кто-то шёл.

Кто-то уже стоял слишком близко.

— Стойте.

Никто не остановился.

Первый подошёл почти вплотную.

Она ударила — коротко, без размаха.

Лезвие вошло.

Слишком легко.

Она замедлилась на долю секунды.

Она ожидала сопротивления.

Хоть чего-то.

Мужчина опустил взгляд на нож в груди, потом снова посмотрел на неё.

— Мы ждали.

Она выдернула нож.

Рука дрогнула.

— Вы уже не вы.

Слова прозвучали глупо, но других не нашлось.

Они продолжали идти.

Руки тянулись к ней — не сжаты, не готовые ударить.

Просто тянулись.

Проверяли, настоящая ли она.

Это нервировало сильнее, чем нападение.

Она шагнула вперёд сама.

Второго — в горло.

Третьему подсекла ноги и добила, не дожидаясь, пока он упадёт.

Женщина с седыми волосами схватила её за запястье.

Кости скрипнули.

Холод прошёл не по коже — глубже, сразу внутрь.

Она вырвалась, почти сорвав кожу на руке, и ударила снова.

Первый даже не попытался уйти.

Второй поднял руку слишком поздно.

Третий дёрнулся раньше удара.

Она била, пока они не перестали двигаться.

Они смотрели — слишком внимательно.

Запоминали.

— Ты опоздала.

— Он знал.

— Он знает.

— Он ждал.

Голоса были разные.

Слова — одни.

Потом — тишина.

Она стояла посреди площади.

Не смотрела под ноги.

Не получалось.

Тела лежали слишком близко.

У одного рука всё ещё тянулась вперёд.

Она отвернулась резко.

Снова стало тихо.

Но это была уже другая тишина.

Воздух стянуло.

Она медленно подняла голову.

Башня.

Окно наверху казалось тёмным.

Теперь — нет.

Теперь она знала: оттуда смотрят.

И давно.

Пальцы сжались на рукояти ножа.

— Нравится?

Ответа не было.

Это не имело значения.

Теперь она знала точно — он её узнал.

Как тогда. В первый раз.

Когда назвал её имя — без ошибки.

Не страх.

Хуже.

Узнавание без памяти.

Она отвела взгляд.

— Потом.

Ветер вернулся резко.

Пыль поднялась с земли, прошла по площади, задела
одежду лежащих тел.

Кто-то качнулся.

На секунду показалось — поднимется.

Она замерла.

Нет.

Просто ветер.

Но вместе с ним вернулось это.

Не голос — память о нём.

Она сжала челюсть.

Он был здесь не первый раз.

И её появление его не удивило.

Она вытерла нож о край плаща.

— Ладно.

Пауза.

— Давай быстрее.

Она пошла к центру.

Башня была видна почти отовсюду — проще идти к ней.
На перекрёстке остановилась.
Слева — дом с приоткрытой дверью. Как приглашение.
Взгляд — на башню. Потом на дверь.
Она задержалась на пороге.
Слишком правильно.
Она всё равно вошла.
Внутри было темнее, чем должно.
Свет в окнах застревал, не доходя до пола.
Комната была слишком аккуратной.
Стол. Стул. Кувшин. Покрывало без складок.
Она провела пальцами по столу.
Тонкий слой пыли.
На стене висело зеркало.
Она замерла.
Посмотрела.
В отражении — она.
Почти.
Что-то не совпало.
Она моргнула.
И тогда стало ясно.
Взгляд.
Она моргнула снова.
Отражение — нет.
А потом догнало.
Она отвернулась резко.

— Хватит.

Тишина.

Потом — скрип.

Сверху.

Она замерла.

Звук не исчез.

Кто-то шёл по лестнице.

Осознанно.

Не как те.

Она вытащила нож.

Второй рукой нащупала короткий клинок.

В проёме появилась женщина.

Та самая.

Но теперь — другая.

Спина прямая. Голова поднята.

Взгляд — тот же, но глубже.

Не пустота.

Что-то внутри.

— Тебе не стоило заходить, — сказала она.

Голос ровный. Чужой.

Но уже не пустой.

Она не ответила.

Сделала шаг вперёд.

— Где он?

Женщина улыбнулась.

— Ты всё ещё думаешь, что это ты ищешь его?

Она напряглась.

— Отойди.

— Он нашёл тебя раньше.

— Ещё до того, как ты вошла.

Воздух сжался.

Дышать стало тесно.

Холод вернулся — теперь изнутри.

И вместе с ним — голос.

«Ты всё ещё идёшь вперёд».

Она стиснула зубы.

— Замолчи.

Женщина чуть наклонила голову.

— Ты его слышишь.

— Я слышу шум.

Улыбка стала шире.

— Значит, он рядом.

Она не стала ждать.

Шагнула — удар.

Женщина уклонилась.

Второй удар — по касательной.

Крови не было.

Женщина схватила её за руку.

И в этот раз холод вонзился сразу.

Свет. Музыка. Смех.

Слишком ярко.

Слишком живо.

И голос:

«Останься».

Она вырвалась, отступила. Дыхание сбилось.

— Это ты мне показываешь?

Женщина покачала головой.

— Это он.

Снова стало тихо.

Он был ближе.

Намного ближе.

Мысль ударила:

он уже внутри.

И давно.

Просто раньше она думала, что это — её.

Она выпрямилась и ударила.

Женщина почти не защищалась.

Только смотрела.

С сочувствием.

Потом упала.

И всё оборвалось.

Тишина вернулась.

Настоящая.

Она стояла одна.

Теперь ясно:

это не следы.

Это он.

Он не ждал.

Просто шёл впереди.

Она посмотрела на башню.

— Ладно.

Пауза.

— Веди.

Она вышла.

Не оглянулась.

И пошла к нему.

Глава 2

Она вышла из города на рассвете.

Башня осталась за спиной — тёмная, неподвижная, слишком высокая.

Когда первые полосы света легли на крыши, город не ожил.

Пустые улицы.

Распахнутые двери.

Тела на площади.

Она не обернулась.

Не потому, что не хотела.

Потому что знала: если обернётся — увидит не город.

Увидит его.

Хуже.

За воротами дороги не было.

Под ногами — ровная, мёртвая земля. Следов нет.

Дальше — камни, трава, отпечаток колеса.

Ещё дальше — грязь и ямы.

Обычный мир.

Она усмехнулась.

Обычный.

Смешное слово.

Через час появился первый знак жизни.

Дым.

Тонкая серая нить поднималась за холмом. Не из города. Дальше. В низине, у старой дороги.

Она остановилась.

Дым значил костёр.

А костёр — либо людей, либо тех, кто уже не люди.

Люди — это ответы.

Или ловушка.

Она проверила нож, подтянула ремень на плече и пошла вниз.

Лагерь оказался маленьким.

Пять повозок, поставленных кругом. Две лошади. Костёр в центре. Несколько человек сидели вокруг, укутанные в плащи.

Никто не говорил.

Они заметили её сразу.

Мужчина у повозки поднялся первым. Высокий, с проседью в бороде. Рука лежала на топоре.

Не вытащил.

Просто дал понять.

— Дальше не ходи.

Она остановилась.

— Я не за вашей едой.

— Все так говорят.

— Тогда считай, я сказала это первой.

Мужчина нахмурился.

У костра кто-то тихо шепнул:

— Она из города.

Все посмотрели на её сапоги.

На плащ.

На кровь, которую она не до конца стёрла.

Мужчина с топором сделал шаг назад.

Небольшой.

Но она заметила.

— Закройте лица, — сказал он.

Люди у костра послушались сразу. Кто-то натянул шарф выше. Женщина прижала к себе ребёнка и отвернулась.

Лира подняла руки, показывая, что не собирается нападать.

— Я не заражена.

И сразу пожалела.

— Это не ты решаешь.

— Тогда кто?

Мужчина не ответил.

Из дальней повозки вышла старуха.

Маленькая, сухая, почти сломанная годами.

Но остальные расступились перед ней так быстро, что стало ясно: главная здесь она.

Старуха подошла ближе и долго смотрела Лире в глаза.

Слишком долго.

— Имя, — сказала она.

Ли́ра помолчала.

Имя было опасным.

Особенно теперь.

— Ли́ра.

Старуха слегка прищурилась.

— Полное.

— Этого достаточно.

— Для костра — да. Для доверия — нет.

Ли́ра опустила руки.

— Я не просила доверия.

— Но пришла за ответами.

Ли́ра не спросила, откуда та знает.

Старуха усмехнулась без радости.

— Все, кто выходит из таких городов, приходят за ответами. Или уже несут их в себе и боятся открыть рот.

Мужчина с топором сказал:

— На́ра, не надо.

Старуха подняла ладонь.

Он замолчал.

Ли́ра посмотрела на неё внимательнее.

— Вы знаете, что там произошло?

— Знаем достаточно, чтобы не входить.

— Тогда знаете, кто это сделал.

В лагере стало тише.

Не как в городе.

Здесь тишина была живой.

Испуганной.

Старуха медленно сказала:

— У него много имён.

— Мне нужно одно.

— Нет, девочка. Тебе нужно не имя. Тебе нужно место,

куда идти.

Внутри что-то напряглось.

— Вы знаете?

Старуха кивнула на костёр.

— Сначала сядь.

— Я постою.

— Тогда стой. Но если упадёшь, поднимать тебя никто не

будет.

Только сейчас Лира поняла, что её качает.

Не сильно. Почти незаметно.

Но ноги действительно стали тяжёлыми.

Рука, которую схватила женщина в доме, всё ещё ныла.

На коже не было раны, но под ней будто остался лёд.

Она подошла к костру и села на край бревна.

Люди отодвинулись.

Никто не хотел сидеть рядом.

Кроме старухи.

Та опустилась напротив.

— Он кормился там, — сказала она.

Лира подняла взгляд.

— Что?

— В городе. Он не убивал их сразу. Такие, как он, редко убивают сразу. Смерть — короткая. Страх — дольше. Вина — ещё дольше.

Ли́ра сжала пальцы.

— Такие, как он?

Старуха посмотрела на огонь.

— Когда человек ломается неправильно, иногда из него выходит не смерть.

Пауза.

— Иногда — голод.

Ли́ра промолчала.

Слова попали слишком точно.

Слишком близко.

Старуха продолжила:

— Он был человеком?

Ли́ра не ответила.

— Значит, был.

Мужчина с топором тихо выругался.

— Нара.

— Молчи, Дорн.

— Она приведёт его сюда.

— Он и так знает о нас.

Лагерь замер.

Ли́ра медленно повернулась к старухе.

— Что вы сказали?

Нара взяла из костра тонкую ветку. Конец тлел красным.

Старуха провела им по земле между ними.

Круг.

И разломанная линия внутри.

Лира узнала знак.

На воротах города царапины были почти такими же.

— Это его метка? — спросила она.

— Нет, — сказала Нара. — Это предупреждение.

— От кого?

Старуха посмотрела ей прямо в глаза.

— От тех, кто ещё помнит, как его остановить.

Лира наклонилась вперёд.

— Где они?

Нара ответила не сразу.

Сначала посмотрела в сторону, будто там кто-то стоял.

— Дальше на восток. За соляными полями. В монастыре без колоколов.

— Сколько идти?

— Три дня. Если дорога будет дорогой.

— А если нет?

— Тогда столько, сколько он решит.

В груди у Лиры неприятно сжалось.

Она ненавидела такие ответы.

Особенно когда они были правдой.

Ребёнок у костра вдруг заплакал.

Тихо.

Не капризно.

От страха.

Женщина зажала ему рот рукой, но было поздно.

Все услышали.

И Лира тоже.

Шёпот.

Слабый.

Не снаружи — внутри.

«Ты снова считаешь шаги».

Она вскочила.

Нож оказался в руке раньше мысли.

Дорн выхватил топор.

Люди вокруг поднялись резко, почти одновременно.

— Не подходите, — сказала Лира.

Голос сорвался.

Слишком резко.

Она ненавидела себя за это.

Но иначе не могла.

Нара осталась сидеть.

— Он говорит?

Лира не ответила.

Шёпот снова коснулся её.

«Ты же этого хотела — чтобы они смотрели именно так».

Она зажмурилась.

Не слушать.

Не отвечать.

Не вспоминать.

«Ты всегда хотела, чтобы боялись».

— Замолчи, — прошептала она.

Дорн поднял топор выше.

— Кому ты это сказала?

Лири открыла глаза.

Все смотрели на неё.

Теперь — не как на чужую.

Как на дверь, через которую может войти беда.

Нара медленно поднялась.

— Уходи до темноты.

— Вы не досказали, куда мне идти.

— Этого достаточно.

— Нет.

Лири шагнула к ней.

Дорн двинулся наперерез, но старуха снова остановила его ладонью.

— Мне нужно знать, как его убить, — сказала Лири.

Нара долго молчала.

Потом тихо спросила:

— Ты уверена, что хочешь именно этого?

Лири почувствовала злость.

Хорошую.

Чистую.

Она была проще, чем страх.

— Да.

— Лжешь.

Ли́ра замерла.

Старуха подошла ближе.

— Те, кто хочет убить, не дрожат, когда слышат голос.

Они радуются. Они ждут встречи.

Пауза.

— А ты боишься не его смерти.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Знаю достаточно.

— Нет.

Ли́ра приблизилась ещё на шаг.

— Вы знаете старые знаки, страшные истории и как пугать людей у костра. Но вы не знаете, что он сделал.

Нара смотрела спокойно.

— А ты знаешь, что сделала ты?

Слова ударили сильнее, чем следовало.

Ли́ра не двинулась.

В лагере никто не говорил.

Даже ребёнок перестал плакать.

Нара наклонилась и подняла с земли небольшой свёрток.

Бросила Лире.

Та поймала.

Ткань была грубой.

Внутри — тонкий костяной амулет с тем же знаком: круг и разломанная линия.

— Покажешь это у монастыря, — сказала Нара. — Если они ещё живы, тебя впустят.

Ли́ра сжа́ла амуле́т.

— А е́сли не впу́стят?

— То́гда умре́шь у вору́т.

— Подо́йдёт.

Ста́руха покача́ла голо́вой.

— Пра́вда ре́дко уте́шает.

До́рн гру́бо сказа́л:

— На́ра, хва́тит. Пу́сть уходи́т.

Ста́руха кивну́ла.

— Да. Пу́сть.

Ли́ра убу́рала амуле́т за па́зуху.

Она́ хоте́ла сказа́ть спа́сибо.

Не сказа́ла.

Та́кие сло́ва де́лают лю́дей бли́же.

А бли́зость те́перь бы́ла опа́сной.

Она́ по́вернула́сь к вы́ходу из кру́га по́возок.

И оста́нови́лась.

На кра́ю ла́геря, у са́мой доро́ги, сто́ял ма́льчик.

То́т са́мый, кото́рого ма́ть де́ржала у ко́стра.

Он смо́трел на Ли́ру.

Сли́шком спо́койно.

Сли́шком взро́сло.

Его́ губы дро́гнули.

И он сказа́л чу́жим голо́сом:

— Я ску́чал по те́бе.

Голо́с прозвуча́л ра́ньше, че́м он до́говорил.

Лира похолодела.

Мать мальчика вскрикнула и бросилась к нему, но Нара схватила её за руку.

— Не трогай! Поздно.

Мальчик улыбнулся.

Не своей улыбкой.

— Три дня на восток, — сказал он. — Я тоже буду идти.

Воздух застрял в груди.

Голос был не его.

Но и не чужой.

В нём было что-то знакомое.

Почти человеческое.

И от этого хуже.

Мальчик моргнул.

Улыбка исчезла.

Он заплакал.

По-настоящему.

Мать подхватила его на руки.

В лагере началась паника.

Дорн смотрел на Лиру так, будто готов был убить её на месте.

Она развернулась и пошла к дороге.

Быстро.

Почти сразу ускорилаь.

Лагерь остался позади.

Только тогда она остановилась.

Достала амулет.

Круг.

Разлом.

Знак тех, кто помнит, как его остановить.

Ветер тронул волосы у её виска.

И вместе с ним пришёл шёпот.

Тихий.

Почти ласковый.

«Я правда скучал».

Лира сжала амулет так сильно, что край впился в ладонь.

— А я нет, — сказала она.

И пошла на восток.

Не останавливаясь.

К монастырю без колоколов.

Глава 2

Дорога на восток сначала была обычной.

Даже слишком.

Грязь, колеи, сухая трава по краям. Следы копыт, обломанная ветка, старая ткань, застрявшая в кустах.

Всё это говорило: мир вернулся к себе.

Города позади больше не было.

Он не стоял в башне и не смотрел ей вслед.

Лира шла быстро, не оглядываясь.

Она знала: если обернётся — ничего не изменится.

Только станет хуже.

Но ощущение чужого взгляда не уходило.

Наоборот.

Росло.

И тогда ей придётся признать, что это не страх.

А этого она не хотела.

Первый час прошёл спокойно.

Второй — тоже.

Солнце поднялось выше, воздух стал теплее.

Дорога ушла в редкий лес.

Между деревьями лежали полосы света.

Ветви шевелились.

Звуки вернулись.

Птицы.

Листва.

Её шаги.

Это раздражало.

После той тишины обычные звуки казались неправильны-

ми.

Слишком громкими.

Слишком живыми.

Она остановилась.

Фляга была полной. Вода — тёплая, с металлическим привкусом.

Она сделала глоток.

Потом ещё один.

Закрыла крышку.

И только тогда заметила следы.

Свежие.

Прямо на дороге.

Она присела.

Провела пальцами по отпечатку.

Сапог.

Мужской.

Тяжёлый.

Прошёл недавно.

Лира выпрямилась.

Осмотрелась.

Никого.

Следы вели вперёд.

Туда же, куда шла она.

Она помедлила.

Потом пошла дальше.

Мужчину она увидела через несколько минут.

Он сидел у дороги, прислонившись спиной к дереву. Голова опущена, руки на коленях.

Плащ грязный.

Сапоги в пыли.

Он выглядел обычным.

Слишком обычным.

Словно заранее знал, каким должен казаться.

Лира остановилась в нескольких шагах.

— Живой?

Мужчина поднял голову.

Глаза были нормальными.

Уставшими.

Настоящими.

— Пока да, — сказал он.

Голос хриплый, но свой.

Она не подошла ближе.

— Откуда идёшь?

— С запада.

— Из города?

Он помедлил.

Потом кивнул.

Лира напряглась.

— Один?

— Был не один.

Он усмехнулся криво.

— Теперь один.

Она молчала.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Ты тоже была там.

Не вопрос.

Факт.

— Была, — ответила она.

Пауза.

— Ты не похожа на тех, кто выходит оттуда, — сказал он.

— А ты похож?

Он коротко усмехнулся.

— Нет.

— Тогда не делай выводов.

Он выдохнул через нос.

— Справедливо.

Лирика сделала шаг вперёд.

Осторожно.

— Почему остановился?

— Думал, идти дальше или нет.

— И?

— Не решил.

Она посмотрела на дорогу.

Потом снова на него.

— Восток.

— Знаю.

— Тогда вставай.

Он усмехнулся.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Когда не хочу тратить время — да.

Мужчина помедлил.

Потом опёрся на дерево и поднялся.

Ноги держали плохо.

Но держали.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Неважно.

— Значит, важно.

Она посмотрела на него.

— Для тебя — нет.

Он поднял руки.

— Ладно.

Пауза.

— Меня — Кейн.

Она кивнула.

Имя ничего ей не дало.

И это было хорошо.

Они пошли вместе.

Сначала молча.

Через несколько минут Кейн сказал:

— Ты тоже слышишь?

Ли́ра не отве́тила.

— Го́лос, — уточни́л он.

Она остано́вилась.

Поверну́лась к нему́.

— Чтó он гово́рит?

Кей́н нахмури́лся.

— Разно́е.

— Сейча́с?

— Сейча́с... молчи́т.

Ли́ра смотре́ла на него́ до́льше, чем ну́жно.

— А до э́того?

Он провёл ру́кой по ли́цу.

— Гово́рил, что доро́га не та.

— И ты по́верил?

Кей́н посмотре́л на лес впе́реди.

— Я вы́шел из го́рода, где лю́ди улыба́ются, ко́гда их ре́жут, — сказа́л он ти́хо. — После́ тако́го начина́ешь ве́рить во чтó уго́дно.

Она отве́рнулась.

— Идём.

Они про́шли ещё́ мину́т де́сять.

Доро́га не ме́нялась.

Снача́ла э́то было́ о́щущение.

Пото́м — фа́кт.

Тот же по́валенный ство́л у обо́чины.

Та же тре́щина в ка́мне.

Та же ткань на кусте.

Они остановились одновременно.

Кейн тихо сказал:

— Мы уже были здесь.

Лири посмотрела назад.

Потом вперёд.

Ничего не изменилось.

Она сделала шаг в сторону.

Сошла с дороги.

Прошла через траву.

Обошла куст.

Вернулась обратно.

И увидела следы.

Свои.

Его.

Замкнутые в круг.

Она медленно сжала челюсть.

— Он играет.

Кейн коротко рассмеялся.

Без радости.

— Отлично.

Лири посмотрела на него.

— Есть предложения?

Он покачал головой.

— Я пытался уйти в лес.

— И?

— Вернулся к дороге.

Она кивнула.

Тишина стала плотнее.

Тогда голос заговорил.

«Ты выбрала длинный путь. Ты уже шла здесь. Тогда тоже не заметила сразу».

Лира закрыла глаза на мгновение.

Не сейчас.

Не реагировать.

Кейн напрягся.

— Ты тоже слышишь?

Она открыла глаза.

— Да.

«Ты могла бы пойти быстрее».

Она резко сказала:

— Покажи.

Кейн нахмурился.

— Что?

Она не отводила взгляд от дороги.

— Если хочешь, чтобы я шла быстрее — покажи путь.

Тишина.

Потом ветер изменился.

Слабый.

Но заметный.

Он пошёл не вдоль дороги.

В сторону.

Влево.

Лира медленно повернула голову.

Там была тропа.

Слишком ровная для леса.

Её не было раньше.

Она была уверена.

Кейн прошептал:

— Нас туда тянут.

— Конечно, — ответила она.

И шагнула к тропе.

Кейн резко схватил её за руку — раньше, чем понял, что делает.

— Стой.

Она посмотрела на его пальцы.

Потом — в глаза.

— Отпусти.

— Ты же понимаешь, что он хочет, чтобы ты пошла туда.

— Да.

— И ты всё равно идёшь?

Пауза.

Лира медленно сказала:

— Я не выбираю между «его» и «не его».

— Тогда между чем?

Она выдернула руку.

— Между стоять и идти.

И шагнула на тропу.

Кейн выругался.

Но пошёл за ней.

Тропа была уже.

Темнее.

Деревья росли плотнее, ветви почти не пропускали свет.

Через несколько шагов дорога исчезла.

Лири не обернулась.

Ветер вёл их вперёд.

И голос стал ближе.

«Ты всегда так делаешь.

Сначала шаг, потом оправдание».

Она сжала нож сильнее.

— Как?

«Выбираешь худшее и называешь это единственным».

Она усмехнулась коротко.

Зло.

— Работает.

Кейн тихо сказал:

— Ты с ним разговариваешь.

— Нет.

— Тогда с кем?

Она не ответила.

Тропа резко оборвалась.

Перед ними была поляна.

И на ней — камни.

Одинаковые.

Слишком ровные для случайности.

Ни одного сдвинутого.

Внутри круга лежал человек.

Живой.

Он дышал.

Медленно.

Тяжело.

Лира остановилась.

Кейн прошептал:

— Это не случайно.

— Нет.

«Помоги ему».

Голос был почти мягким.

Лира смотрела на человека.

Потом — на круг.

Она знала такие вещи.

Круги не делают просто так.

— Если подойдёшь, — сказал Кейн, — мы не выйдем отсюда.

Человек в круге застонал.

— Помогите...

Голос был слабый.

Настоящий.

Лира сделала шаг.

И замерла на нём.

«Ты же не такая».

Она сжала зубы.

Кейн посмотрел на неё.

— Ты не обязана.

Лира повернулась.

Обошла круг.

Не заходя внутрь.

И пошла дальше.

Человек закричал:

— Пожалуйста!

Она не остановилась.

Кейн замер на секунду.

Потом побежал за ней.

Крик за спиной оборвался резко.

Слишком резко.

Тишина вернулась.

Кейн догнал её.

— Ты даже не попыталась. Даже не посмотрела на него.

Лира не замедлила шаг.

— Он был частью этого.

— Ты не знаешь.

— Знаю достаточно.

Кейн посмотрел на неё.

— Ты бы оставила меня?

Пауза.

Она не ответила.

Этого было достаточно.

Деревья расступились.
Тропа вывела их обратно на дорогу.
Но теперь она была другой.
Ровной.
Чистой.
Без следов.
Лира остановилась.
Посмотрела вперёд.
Вдалеке тянулась белая линия.
Соль.
Поля.
Восток.
Кейн тихо сказал:
— Мы прошли.
Лира кивнула.
Ветер коснулся её щеки.
«Ты изменилась».
Она долго молчала.
Потом сказала тихо:
— Нет.
Пауза.
— Я перестала притворяться.
И пошла дальше.

Глава 4

Соляные поля начинались резко.

Не постепенно — как лес или дорога.

Будто кто-то провёл границу.

С одной стороны — земля, трава, грязь.

С другой — белое до самого горизонта.

Лира остановилась на краю.

Соль лежала неровно: где-то растрескавшаяся, где-то гладкая, почти как лёд.

Свет бил в глаза.

Дробился.

Отражался.

Далеко, почти на пределе зрения, дрожала тонкая линия воздуха — жара или что-то очень похожее на неё.

Кейн тихо сказал:

— Здесь хуже, чем в лесу.

Лира ничего не ответила.

Шагнула вперёд.

Сапог хрустнул.

Звук разошёлся странно — не по земле.

По пустоте.

Она пошла дальше.

Через несколько шагов стало ясно: ориентиров нет.

Небо.

Соль.

Больше ничего.

Ли́ра огляну́лась.

Дороги уже не было.

Лес исчез.

Осталась только белизна.

— Отлично, — сказала она тихо.

Кейн догнал её, щурясь и прикрывая глаза рукой.

— Скажи, что ты хотя бы примерно понимаешь, куда мы идём.

— Восток.

— И где тут, по-твоему, восток?

Ли́ра подняла взгляд к солнцу.

Оно было выше, чем должно.

И чуть левее.

Она отвела глаза.

— Там.

Кейн кивнул.

Без уверенности.

Дальше шли молча.

Очень быстро Ли́ра поняла: тишина здесь другая.

Не как в городе.

Не как в лесу.

Здесь тишина давила изнутри.

Каждый шаг отдавался в голове.

Каждый вдох становился тяжелее.

Она сжала челюсть и ускорилаь.

Кейн начал отставать.

Сначала немного.

Потом заметно.

— Медленнее, — сказал он.

— Нет.

— Ты сдохнешь так же, как те, кто бежал.

Лира остановилась и обернулась.

— Тогда не отставай.

Кейн смотрел на неё с раздражением.

И с чем-то ещё.

Почти настороженно.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Здесь проблема не в скорости.

— Тогда в чём?

Он провёл рукой по лицу, оставляя белые полосы соли на коже.

— Он здесь сильнее.

Пауза.

— Слишком тихо — это из-за него.

Лира смотрела прямо на него.

— Он везде сильнее.

Кейн усмехнулся.

Коротко.

Нервно.

— Нет.

Он огляделся.

— Здесь он ближе.

Слово осталось висеть между ними.

Тяжёлое.

Лири отвернулась.

— Тогда иди.

И пошла дальше.

Через некоторое время Кейн снова заговорил:

— Ты правда думаешь, что сможешь его убить?

Она ускорила шаг.

— Ты даже не знаешь, чем он стал.

— Знаю достаточно.

— Нет.

Лири остановилась и медленно повернулась.

— Тогда скажи.

Кейн смотрел на неё дольше, чем нужно.

— Он не просто поглощает эмоции, — сказал он тихо. —

Он учится.

— И?

— И меняет правила.

Лири нахмурилась.

— Ты это откуда знаешь?

Кейн ответил не сразу.

Потом сказал:

— Я был там дольше тебя.

В груди неприятно стянуло.

— Насколько дольше?

— Достаточно.

— Конкретно.

Он отвёл взгляд.

— Не помню.

Лира замерла.

— Не помнишь?

— Нет.

Тишина снова стала плотнее.

Она подошла ближе.

— Такие вещи не забывают.

Кейн криво усмехнулся.

— Люди — нет.

Она смотрела на него ещё несколько секунд.

— Ты не сказал, сколько вас было.

— Потому что это неважно.

— Это всегда важно.

Он сжал челюсть.

— Пятеро.

— И выжил только ты?

— Да.

— Почему?

Кейн посмотрел на неё.

И впервые за всё время Лира увидела в его взгляде страх.

Настоящий.

— Я не знаю.

Она не сразу ответила.

Потом тихо сказала:

— Врёшь.

Он резко шагнул к ней.

— А ты? Ты всегда говоришь правду?

Она осталась на месте.

Даже не дрогнула.

— Когда это имеет смысл.

— Тогда скажи, — тихо произнёс Кейн. — Зачем ты на самом деле идёшь к нему?

Ветер был слабым, но постоянным.

Соль хрустела под ногами.

Слова так и не вышли.

— Это не твоё дело.

Кейн усмехнулся.

— Значит, дело.

Она отвернулась.

— Идём.

Пошли дальше.

Свет стал резче.

Белизна — ярче.

Глаза начали болеть.

И тогда Лира заметила:

тени исчезли.

Сначала — почти незаметно.

Потом совсем.

Она подняла руку.

Посмотрела вниз.

Ничего.

Даже тени.

Кейн тоже остановился.

— Ты это видишь?

— Да.

— Это нормально?

— Нет.

И тогда голос вернулся.

Ближе, чем раньше.

«Ты всегда боялась света».

Лира закрыла глаза.

— У тебя странный способ говорить.

Кейн нахмурился.

— Что?

Она открыла глаза.

— Ничего.

«Ты помнишь?»

Она сжала нож сильнее.

— Нет.

«Лжёшь».

Она резко остановилась.

Кейн едва не врезался в неё.

— Что теперь?

Она не ответила.

Впереди было движение.

Сначала ей показалось — мираж.

Потом поняла: нет.

Фигура.

Человек.

Стоит неподвижно посреди поля.

Кейн тихо сказал:

— Мы это уже видели.

— Да.

— И чем закончилось?

Ли́ра посмотрела на него.

— Мы прошли.

Он усмехнулся без радости.

— Нет.

Кивнул на фигуру.

— Это не то же самое.

Ли́ра пошла вперёд.

— Подожди.

Она не замедлилась.

Фигура становилась ближе.

Женщина.

Стоит спиной.

Длинные волосы.

Платье, белое от соли.

Ли́ра остановилась в нескольких шагах.

— Обернись.

Женщина не двигалась.

Кейн прошептал:

— Не надо.

Лира шагнула ближе.

— Я сказала, обернись.

Женщина начала поворачиваться.

Медленно.

Неестественно медленно.

Голова повернулась первой.

Плечи остались неподвижны.

И тогда Лира увидела.

Себя.

Те же глаза.

Те же черты.

Тот же шрам на губе.

Только улыбка была другой.

Слишком спокойной.

«Наконец-то».

Голос был её.

Только без дыхания.

Кейн выругался и отступил на шаг.

— Это не ты.

Лира даже не моргнула.

Просто смотрела.

«Ты идёшь слишком долго».

— Уйди.

«Ты знаешь, что не уйду».

Ли́ра сжала нож.

— Тогда исчезни.

Улыбка стала шире.

«Ты же не исчезла».

Кейн сказал:

— Ли́ра.

Она не отреагировала.

«Ты помнишь, как это началось?»

И на секунду —

свет.

Музыка.

Чужая рука в её ладони.

Она резко шагнула вперёд.

Ударила.

Лезвие прошло насквозь.

Без сопротивления.

Ничего.

Фигура не исчезла.

Только улыбнулась шире.

«Ты всё ещё думаешь, что это про него».

Ли́ра отступила.

Кейн схватил её за плечо.

— Пошли.

Она не сдвинулась.

«Ты знаешь правду».

— Нет.

«Просто не хочешь произносить её вслух».

Ли́ра закрыла глаза.

Вдох.

Выдох.

И резко развернулась.

— Идём.

Кейн не стал спорить.

Они прошли мимо.

Фигура осталась позади.

Но голос — нет.

«Ты не сможешь дойти».

Ли́ра никак не отреагировала.

Поля начали меняться.

Соль стала реже.

Земля — темнее.

Вдалеке показались стены.

Тонкие.

Серые.

Без башен.

Монастырь.

Кейн выдохнул.

— Мы дошли.

Ли́ра смотрела вперёд.

«Почти».

Она сжала нож.

— Да, — сказала она тихо. — Почти.

И уже знала:

это не конец.

Глава 3

Монастырь не был похож на место, где ищут спасения.

Слишком тихий.

Пустой.

Монастырь выглядел так, будто чего-то ждал.

Стены — низкие, серые, без украшений. Ни башен. Ни флагов. Ни знаков.

Только камень.

Выцветший и гладкий от времени.

На стыках между плитами скопилась белая соль.

Будто ветер годами приносил её сюда с полей.

Ворота — узкие, почти незаметные.

Их будто не строили.

Просто оставили здесь.

И ни одного колокола.

Лира остановилась в нескольких шагах.

Ничего.

Ветер сюда почти не доходил.

— Здесь, — тихо сказал Кейн.

Она достала амулет.

Костяной круг с трещиной посередине.

Тот самый знак.

«Если они ещё живы, тебя впустят».

Слова старухи всплыли сами.

Лира подошла к воротам.

Дерево выглядело старым.

Но без трещин.

Как будто за ним следили лучше, чем за людьми.

Постучала один раз.

Ничего.

Второй.

Тишина.

Третий.

Щёлкнуло.

Дверь открылась ровно настолько, чтобы в щель можно было посмотреть.

В щели появился глаз.

Старый.

Усталый, но цепкий.

— Покажи, — сказал голос.

Лира молча подняла амулет.

Никакой реакции.

Глаз не исчез.

Смотрел слишком долго.

Потом дверь открылась шире.

— Заходи.

Лира сделала шаг.

— Одна.

Она остановилась.

Медленно повернулась к Кейну.

Он стоял позади.

Смотрел на дверь.

Не на неё.

— Он со мной, — сказала Лира.

Глаз в проёме не моргнул.

— Тогда не входи.

Даже ветер не двигался.

Кейн тихо усмехнулся.

— Знакомо.

Лира не отводила взгляда от двери.

— Вы впускаете людей с этим знаком.

— Мы впускаем тех, кто ещё люди.

Пальцы сжались на амулете.

— Он живой.

— Для нас этого уже недостаточно.

Воздух будто стал тяжелее.

Кейн сказал:

— Оставь меня.

Лира повернулась к нему.

— Нет.

Он пожал плечами.

— Тогда ты не войдёшь.

Она смотрела на него несколько секунд.

И впервые за всё время действительно задумалась.

Кейн выдержал взгляд.

Под глазами у него залегли тени.

Соляные поля вытянули из него остатки сил сильнее, чем он пытался показать.

— Ты же всё равно пойдёшь дальше, — сказал он. — Со мной или без.

Лира отвернулась.

— Проверьте его.

Глаз в проёме исчез.

Через секунду дверь открылась полностью.

Наружу вышли двое.

Серые одежды.

Лица закрыты тканью.

Видны только глаза.

— Не двигайся, — сказал один.

Кейн поднял руки.

— Я не двигаюсь.

Они подошли ближе.

Один остановился перед ним.

Второй — сбоку.

Тот, что стоял прямо, поднял руку.

Коснулся лба Кейна.

Лира напряглась.

Кейн не дёрнулся.

Вообще.

Как человек, который уже проходил через подобное.

Прошло несколько секунд.

Потом человек убрал руку.

Посмотрел на второго.

Тот едва заметно кивнул.

— Внутрь, — сказал первый.

Кейн опустил руки.

— Всё? — усмехнулся он.

— Пока.

Лира вошла первой.

Внутри было ещё тише, чем снаружи.

Двор — небольшой, пустой. Камень под ногами, стены во-
круг. Несколько дверей.

Ни людей.

Ни звуков.

Где-то далеко капала вода.

Медленно.

С одинаковыми промежутками.

Но пустым это место не казалось.

Наоборот.

Воздух внутри был напряжённым.

Как перед грозой.

Кейн тихо сказал:

— Мне здесь не нравится.

— Мне тоже.

Один из людей в сером повернулся к ним.

— Не говорите громко.

— Почему? — спросил Кейн.

— Потому что он слышит всё.

Лира сжала челюсть.

— Здесь?

— Везде.

Пауза.

— Но здесь мы знаем, как отвечать.

Он развернулся.

— Идите.

Они прошли внутрь здания.

Коридоры были узкими.

Тёмными.

Без окон.

Свет давали только редкие лампы.

На стенах — те же знаки.

Некоторые были вырезаны глубоко и аккуратно.

Другие — торопливо, будто их царапали в страхе.

Круг.

Разлом.

Кейн посмотрел на стены.

— Они думают, что это помогает?

Человек впереди ответил сразу:

— Мы просто знаем, что работает.

— Тогда почему вы всё ещё здесь?

Он остановился.

Повернулся.

— Потому что пока не получилось умереть.

Ли́ра посмотре́ла на него внима́тельнее.

— Кто здесь главный?

— Тот, кто пережил больше других.

— Значит, лидера у вас нет.

Человек смотрел на неё несколько секунд.

— Ты быстрее понимаешь, чем остальные.

Они вошли в комнату.

Трое за столом.

Все в сером.

Все с закрытыми лицами.

Один поднял голову.

— Покажи знак.

Ли́ра протянула амулет.

Он не взял его.

Только посмотрел.

Потом спросил:

— Где ты его получила?

— В лагере.

— Кто дал?

— Старуха.

Небольшая пауза.

— Значит, они ещё живы.

В голосе не было радости.

Только констатация.

Ли́ра сказала:

— Мне нужны ответы.

Тот, кто говорил, кивнул.

— Все, кто приходят сюда, хотят одного.

— Тогда начнём с простого.

Она сделала шаг вперёд.

— Как его убить?

Тишина.

Никто не ответил сразу.

Потом один из них тихо сказал:

— Никак.

Лири не моргнула.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ.

Она медленно сжала нож.

— Тогда скажите лучше.

Тот, кто сидел в центре, наклонился вперёд.

— Ты думаешь, он — цель.

Пауза.

— Он уже не человек.

И не существо.

Лири нахмурилась.

— Говорите нормально.

Он покачал головой.

— Он не просто стал другим. Это уже нельзя просто убить.

Тишина.

— Он меняется. Учится. Растёт.

— Я уже это слышала.

— Тогда ты понимаешь, что убить его — значит закончить этот процесс.

— Именно.

Он долго смотрел на неё.

— Нет.

Пауза.

— Если уничтожить его сейчас, место просто не останется пустым.

Кейн тихо сказал:

— Объясни.

Один из людей повернулся к нему.

— Если ты убьёшь его, место останется.

Холод вернулся сразу.

Лира почувствовала это сразу.

— И?

— И кто-то займёт его.

Она ждала продолжения.

— Кто?

Человек посмотрел ей прямо в глаза.

— Тот, кто ближе всего.

Воздух будто сдавило.

Лира не отступила.

— Вы хотите сказать, что это буду я?

— Ты уже идёшь этим путём.

Кейн коротко усмехнулся.

Без веселья.

— Отлично.

Лири никак не отреагировала.

— Тогда как его остановить?

Тот, что сидел в центре, ответил:

— Вернуть его к началу.

— К какому началу?

Он сказал тихо:

— К моменту, когда он перестал быть человеком.

Лири замерла.

И сразу —

вспышка.

Свет.

Музыка.

Чужой голос рядом.

Она резко вдохнула.

— Это невозможно.

— Тогда ты умрёшь.

Никто не отвёл взгляд.

Лири смотрела на них молча.

— Вы говорите это всем?

— Да.

— И никто не дошёл?

— Никто.

Тишина снова стала тяжёлой.

Кейн тихо сказал:

— Может, стоит передумать.

Лира повернулась к нему.

— Ты можешь уйти.

Он усмехнулся.

— И пропустить финал?

Она не ответила.

Один из людей в сером сказал:

— Он уже внутри тебя.

Лира посмотрела на него.

— Я знаю.

— Тогда ты понимаешь, что времени мало.

Она сжала амулет.

— Где дальше?

Они переглянулись.

Не сразу.

Потом один сказал:

— Город у воды.

Внутри всё напряглось.

— Какой?

— Тот, где всё началось.

Тишина.

Лира медленно кивнула.

— Ясно.

На самом деле ясно не было ничего.

Но теперь путь снова куда-то вёл.

Развернулась.

— Ты уходишь? — спросил Кейн.

— Да.

— Уже?

— Ответы я получила.

Он усмехнулся.

— Сомнительные.

Она остановилась у двери.

— Других нет.

И пошла к выходу.

Кейн — следом.

За спиной осталась тишина.

И слова:

— Ты не первая, кто так думает.

Лири не обернулась.

Она не обернулась, но слова всё равно остались с ней.

Глава 6

Они ушли из монастыря до заката.

Их не провожали.

Не благословили.

Будто их уже заранее списали.

Ворота закрылись за спиной так тихо, словно монастырь исчезал без свидетелей.

Лири остановилась на дороге.

Серые стены остались позади.

Без надежды.

Кейн поправил ремень.

— Уютное место.

Пауза.

— Особенно понравилось «убьёшь его — станешь им».

Очень бодрит перед дорогой.

— Можешь вернуться.

— И что? Попросить комнату с видом на отчаяние?

Лири пошла вперёд.

Кейн догнал её через несколько шагов.

Они долго шли молча.

Солнце медленно опускалось ниже.

Соляные поля остались позади, но белая пыль всё ещё держалась на сапогах, на плаще, в складках одежды.

Соль оставалась даже на языке.

Лира несколько раз ловила себя на том, что проводит языком по зубам.

Сухой привкус всё равно не уходил.

Горькая.

Сухая.

Как то, что слишком долго молчало.

«Вернуть его к началу».

Слова человека в сером не отпускали.

К тому моменту, где он перестал быть человеком.

Лира знала этот момент.

Не полностью.

Не словами.

Разум ещё сопротивлялся.

Но память уже возвращалась.

Не словами.

Ощущениями.

Но тело уже помнило.

Музыка.

Свет.

Его рука в её ладони.

А потом —

другое.

Темнота.

Дверь.

И выбор, который тогда казался необходимым.

Кейн шёл рядом и время от времени смотрел на неё.

Потом сказал:

— Скажи уже.

— Что?

— То, что крутишь в голове.

Она усмехнулась без веселья.

— Не люблю, когда меня читают.

— Тогда думай тише.

— Ты знаешь, о каком начале они говорили.

— Нет.

— Врёшь.

Лира остановилась.

Кейн тоже.

Между ними — два шага.

Этого расстояния хватало.

Ударить.

Или остановить.

— Ещё раз скажешь так — и пойдёшь один.

Кейн перестал усмехаться.

— Я уже шёл один.

В этот раз в его голосе даже не было привычной усмешки.

— Значит, справишься.

— Не в этом дело.

— А в чём?

Он отвёл взгляд.

Сумерки вокруг медленно густели.

— Когда ты врёшь, он становится громче.

Лира почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Что?

— Голос.

Ветер между деревьями вдруг стих.

Она медленно стиснула пальцы.

— Что именно ты слышишь?

Кейн не ответил.

— Кейн.

Он посмотрел на неё.

И почти сразу отвёл глаза.

— Тебя.

Она не двинулась.

— Объясни.

— Иногда это он. Иногда — нет.

Он провёл рукой по лицу.

Усталость выглядела почти болезненной.

— Иногда я слышу не голос.

Пауза.

— А то, что ты пытаешься не вспомнить.

По спине прошёл холод.

Холод был не его.

Её.

— Сколько раз?

— Не знаю.

— Сколько?

— С тех пор как мы вышли из города.

Лири вытащила нож.

Кейн не отступил.

Только опустил взгляд на лезвие.

— Я бы на твоём месте сделал то же самое.

— Ты не на моём месте.

— Нет.

Он коротко усмехнулся.

Усталость делала его старше.

Теперь это уже невозможно было не замечать.

— И, слава всем мёртвым богам, не хочу.

Она шагнула ближе.

— Что ты слышал?

— Обрывки.

— Какие?

Он молчал.

Лири приставила нож к его животу.

Не вонзила.

Пока.

— Какие?

Кейн сглотнул.

— Праздник.

Пауза.

— Музыку.

Ещё тише:

— Его голос.

Лира не двигалась.

— И дверь.

Рука дрогнула раньше, чем она успела это скрыть.

— Я не знаю, что это значит, — быстро сказал Кейн. — Я не лез туда. Оно само приходит.

— Ничего не приходит само.

— Теперь приходит.

Она смотрела на него.

Убить его было бы проще.

Особенно сейчас.

Такие двери закрывают.

Особенно если через них может пройти он.

Кейн тихо сказал:

— Если собираешься, делай.

— Не торопи.

— Я не тороплю.

Пауза.

— Просто не люблю ждать смерти стоя.

Лира усмехнулась.

Нож остался на месте.

— Почему тебя не оставили в монастыре?

— Потому что я прошёл их проверку.

— Или потому, что они решили, что ты полезен.

— Для кого?

Она не ответила.

— Думаешь, я его приманка?

— Думаю, ты слишком долго прожил там, где никто не живёт.

Кейн кивнул.

— Справедливо.

— И ты слышишь то, чего не должен.

— Тоже справедливо.

— И когда я лгу, он становится громче.

— Да.

Лири медленно убрала нож.

Не спрятала.

Просто опустила руку.

Кейн выдохнул.

Только сейчас.

— Это значит, я пока жив?

— Это значит, я ещё думаю.

— Великодушно.

— Не привыкай.

Они пошли дальше.

К ночи дорога спустилась в низину.

Там стоял старый каменный навес — остаток сторожевого поста или придорожной часовни.

Три стены.

Почти нет крыши.

Но внутри хотя бы было меньше ветра.

Кейн собрал сухие ветки.

Лира развела костёр.

Пламя получилось слабым.

Сырые ветки потрескивали и больше дымили, чем горели.

Дым стелился внутри навеса, раздражая глаза.

Они сидели напротив друг друга.

Между ними — огонь.

Даже этого расстояния было недостаточно.

Кейн протянул ей кусок сухого хлеба.

Она взяла.

— Не боишься, что отравлен?

— Ты бы не стал тратить яд.

— Почему?

— Слишком дорого для меня.

Он хмыкнул.

— Оптимистично.

Они ели молча.

Темнота окончательно опустилась вокруг.

Ветер ходил между стенами, шевелил пепел.

Где-то далеко кричала птица.

Или что-то, умеющее кричать как птица.

Лира смотрела в огонь.

Кейн — на неё.

— Перестань.

— Что?

— Смотреть.

Он отвернулся.

Прошла минута.

Может, меньше.

Потом Кейн тихо спросил:

— Как его звали?

Лира подняла взгляд.

— Кого?

Кейн закрыл глаза.

Будто сам пожалел, что сказал это.

— Я не хотел спрашивать.

— Но спросил.

— Потому что оно в голове.

Она медленно отложила хлеб.

— Не произноси.

— Я не знаю имени.

— И хорошо.

Он открыл глаза.

— Значит, имя важно.

Теперь все имена казались важными.

— Нет. Не так.

Пламя дрогнуло.

И на секунду в нём проступило лицо.

Лицо.

Неясное.

Молодое.

Красивое.

Настолько знакомое, что память не успела сложиться в лицо, но чувство потери пришло мгновенно.

Ли́ра сбила костёр ударом ноги.

Искры взлетели вверх.

Кейн вскочил.

— Ты что делаешь?

— Он смотрел.

— Через огонь?

Теперь казалось, что он видит через всё.

Кейн медленно сел обратно.

— В монастыре сказали, что он слушает.

— Они многое не сказали.

Огонь стал ниже.

Темнее.

Тени в углах навеса вытянулись.

Кейн побледнел.

— Ли́ра.

Она уже держала нож.

— Что?

Он смотрел за её плечо.

— Не двигайся.

Ли́ра не обернулась.

Если что-то хочет, чтобы ты обернулся, — не делай этого сразу.

— Что там?

Кейн ответил тихо:

— Ты.

Холод сжал шею.

Медленно.

— Опиши.

— Стоишь у стены.

Пауза.

— Смотришь на нас.

Ещё тише:

— И улыбаешься.

Лира медленно вдохнула.

— Это уже было.

— Нет.

Голос Кейна стал глуше.

— Она держит ключ.

Сердце дёрнулось.

И замерло.

— Какой ключ?

Кейн посмотрел на неё.

— Ты знаешь.

За спиной послышался тихий звон.

Металл о камень.

Лира закрыла глаза.

И увидела.

Дверь.
Тяжёлую.
Железную.
Свою руку.
Ключ в пальцах.
И его голос за дверью.
Сначала спокойный.
Потом уже нет.
Она резко обернулась.
У стены никого не было.
Только темнота.
И ключ на полу.
Старый металл тускло блестел в остатках огня.
Как будто он давно ждал, когда его найдут.
Старый.
Чёрный.
Невозможный.
Кейн не двигался.
— Он был там?
Лира подошла не сразу.
Сначала просто смотрела.
Потом присела.
Ключ был настоящим.
Холодным.
Тяжёлым.
Она взяла его.

И в тот же миг услышала голос.

Не шёпот.

Не внутри.

Совсем рядом.

Почти у уха.

— Ты всё-таки сохранила его.

Лира ударила ножом в темноту.

Пусто.

Кейн схватил её за плечо.

Она развернулась так резко, что едва не полоснула его по горлу.

Он отступил.

— Это я!

Она тяжело дышала.

Ключ жёг ладонь холодом.

— Ты видел его?

— Нет.

— Слышал?

Кейн медленно кивнул.

— Да.

Она посмотрела на него.

— Что он сказал?

Кейн ответил не сразу.

— Что ты сохранила ключ.

Лира сжала его в кулаке.

— Я его не сохраняла.

— Тогда откуда он?

Ответ был у неё в ладони.

Кейн тихо спросил:

— Это начало?

Ли́ра посмотре́ла на ключ.

Потом — на тёмную дорогу за стенами навеса.

Но прошлое уже возвращалось.

— Нет, — сказала она.

Пауза.

— Это дверь.

Кейн медленно сел обратно.

— А за ней?

Ли́ра сжала ключ сильнее.

Край впился в кожу.

— То, что я не открыла.

Ветер внезапно стих.

Огонь почти погас.

И в наступившей тишине снова прозвучал его голос.

Очень тихо.

Очень близко.

— Открыла.

Ли́ра не спала до рассвета.

Кейн тоже.

Глава 4

Утро было серым.

Небо висело низко, тяжёлой плитой, почти не пропуская света.

Даже утром казалось, что ночь здесь не закончилась.

Лира лежала на холодном камне, глядя в треснувший потолок навеса.

Спина затекла.

Пальцы на правой руке почти не чувствовались от холода металла.

Слушала ветер.

Он шёл ровно, без порывов, будто ничто его не останавливало.

Кейн тоже не спал.

Она слышала это по дыханию.

Ровному.

Будто Кейн всё это время не спал.

Они молчали.

Ключ всё ещё был у неё в руке.

Лира не помнила, когда снова взяла его.

И отпускала ли вообще.

Холод металла не менялся.

Не усиливался.

Не слабел.

Холод ключа не менялся, будто не зависел ни от чего во-
круг.

Она медленно сжала пальцы.

Край впился в кожу.

Боль была настоящей.

На коже осталась тонкая красная полоса.

Лира смотрела на неё чуть дольше, чем нужно.

Боль не давала снова уйти в мысли.

— Ты всё ещё его держишь, — сказал Кейн.

Лира открыла глаза.

Он смотрел на её руку.

Не на неё.

— Да.

— Плохая идея.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Она медленно села.

Не отпуская ключ.

Потому что теперь он будто уже был здесь.

Кейн нахмурился.

— Где?

Лира посмотрела на него.

— Не в руке.

Он отвёл взгляд.

— Тогда тем более стоит избавиться.

— Поздно.

Она поднялась.
Спрятала ключ за пазуху.
И сразу почувствовала это.
Не движение.

Скорее ощущение, будто всё вокруг на секунду сместилось.

На мгновение всё вокруг поплыло.
Потом встало обратно.
Лира шагнула к выходу.
И остановилась.
Следы.

Перед навесом — отпечатки сапог.
Её.

И чужие.
Но теперь их было больше.
Она присела.

Провела пальцами по земле.
Некоторые следы шли к навесу.
Другие — от него.

Одновременно.
Кейн подошёл ближе.
Он всё ещё выглядел уставшим после ночи.
Под глазами легли тёмные тени.
Но теперь в нём чувствовалось напряжение.
— Мы не выходили.

— Нет.

Он оглянулся.

— Тогда это не он.

Лира медленно подняла взгляд.

— Это мы.

Кейн нахмурился.

— Что?

Она выпрямилась.

— Это не следы.

Пауза.

— Это повторяется.

Ветер на дороге внезапно стих.

— Он не идёт за нами.

— Он будто перебирает варианты.

Кейн сглотнул.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже.

Они вышли на дорогу.

Следы вели вперёд.

Но теперь это уже не значило, что впереди есть путь.

Лира пошла первой.

Через несколько шагов — сбой.

Почти незаметный.

Но тело среагировало раньше.

На мгновение ей показалось, что она свернула не туда.

Она резко остановилась.

Кейн врезался ей в плечо.

— Чёрт.

Он машинально схватился за её рукав, удерживая равновесие.

Лира не ответила.

Смотрела на дорогу.

И на секунду увидела —
не дорогу.

Зал.

Свет.

Людей.

Музыку.

Она стояла там.

Выглядела моложе.

В другом платье.

Будто другая.

С ключом в руке.

И перед ней —
дверь.

Тяжёлая.

Закрытая.

Лира моргнула.

Всё исчезло.

Кейн внимательно смотрел на неё.

— Ты побледнела.

— Идём.

— Что ты видела?

— Ничего.

— Врёшь.

Она развернулась слишком резко.

— Ты заикнулся.

Кейн шагнул ближе.

— Потому что ты начинаешь скрывать.

Пауза.

Потом тихо добавил:

— Ты закрыла дверь.

На секунду всё застыло.

Лира замерла так резко, что сбилось дыхание.

— Что?

Кейн нахмурился.

Будто сам испугался собственных слов.

— Я не хотел это говорить.

— Но сказал.

— Потому что это не я.

Она медленно достала нож.

— Тогда кто?

Кейн посмотрел на неё.

И впервые отвёл взгляд первым.

— Я слышу, как ты это вспоминаешь.

Она молчала.

Лира шагнула вперёд.

— Ты не был там.

— Нет.

— Тогда откуда —

— Ты его там заперла.

Она ударила.

Лезвие прошло в миллиметре от его горла.

Кейн отшатнулся.

На шее осталась тонкая красная линия.

Совсем рядом.

Ещё немного — и нож вошёл бы глубже.

— Чёрт —

— Ещё слово, — сказала она тихо, — и я закончу это.

Он замер.

Дышал тяжело.

— Я не враг.

— Пока нет.

Повисла тишина.

Кейн медленно выдохнул.

— Тогда слушай.

Она не убрала нож.

— Когда ты врешь, он становится громче.

Пауза.

— Когда молчишь — тоже.

Ли́ра чувствовала, как пальцы сильнее сжимают рукоять.

— Но когда ты почти вспоминаешь...

Он не договорил.

— Тогда что?

Тогда он получает то, что хотел.

Тишина стала тяжёлой.

Ли́ра медленно опустила нож.

— Тогда не буду.

Она отвернулась.

Они пошли дальше.

Дорога снова пыталась замкнуться.

Теперь Ли́ра шла против неё.

Но теперь Ли́ра шла будто против неё.

Каждый шаг тянул назад.

Мир будто сопротивлялся.

Пространство словно давило в ответ.

Давление держалось ещё несколько шагов.

А потом исчезло так резко, что Ли́ра едва не остановилась.

Сначала пришёл запах воды.

Настоящей.

Тяжёлой.

Потом — плеск.

Глухой.

Тяжёлый.

Кейн остановился.

— Мы вышли.

Ли́ра ничего не сказала.

Смотрела вперёд, не моргая.

Город у воды.

Ветер донёс запах рыбы, мокрого дерева и дыма.

Настоящий.

Почти нормальный.

Это тревожило сильнее всего.

Город был слишком живым.

Всё выглядело слишком ровным.

Как будто кто-то пытался воссоздать обычную жизнь.

Ли́ра замедлила шаг.

— Ты видишь?

Кейн кивнул.

— Они двигаются одинаково.

Пауза.

— И не смотрят на нас.

Ли́ра сжала ключ через ткань плаща.

И тогда услышала смех.

Лёгкий.

Знакомый.

На мгновение её снова утянуло внутрь.

Зал.

Свет.

Его голос.

— Остайся.

Она резко открыла глаза.

Город всё ещё был перед ней.

Но теперь она поняла, что всё вокруг устроено не как ловушка, а как повторение.

Кейн тихо сказал:

— Это не место.

— Скорее момент, — ответила она.

Пауза.

— Тот самый.

Кейн посмотрел на неё.

— И ты идёшь туда?

Ли́ра сжала ключ сильнее.

— Я уже там была.

Тишина.

— И чем закончилось?

Ли́ра долго смотрела на ворота города.

Потом тихо сказала:

— На этот раз узнаю.

Они пошли вперёд.

Но теперь это было уже не просто дорогой.

Возвращением.

К ошибке.

И ключ в её руке

будто уже поворачивался.

Глава 8

Город у воды встретил их звуком.

Не шумом.

Скорее ритмом, где всё повторялось слишком ровно.

Шаги.

Голоса.

Смех.

Будто город существовал только как воспоминание.

От воды тянуло рыбой, мокрой древесиной и дымом.

Запахи казались слишком настоящими.

Лира остановилась у самой границы улицы не потому, что испугалась — она узнала это место раньше, чем успела подумать.

— Это... — Кейн не договорил.

— Да, — тихо сказала она.

Он смотрел на людей.

Они двигались. Разговаривали. Несли корзины, тянули верёвки, спорили, смеялись.

Но ни один не посмотрел на них.

Ни разу.

— Они нас не видят, — сказал Кейн.

— Нет, — ответила Лира. — Не могут.

Она пошла вперёд.

С первым шагом шум города слегка изменился.

Будто город заметил её.

Кейн задержался.

— Лира...

Она не остановилась.

— Это неправильно.

— Всё здесь неправильно.

Они шли по улице мимо людей, слишком живых для мёртвых.

И слишком пустых для живых.

Один мужчина прошёл прямо сквозь плечо Кейна.

Тот резко отшатнулся.

По коже у него пробежала дрожь.

Словно он вошёл в холодную воду.

— Чёрт...

Лира даже не обернулась.

— Не трогай их.

— Я не трогал.

— Не пытайся.

Кейн стиснул зубы.

— Это не город.

— Я знаю.

— Тогда что это?

Она остановилась.

Медленно повернулась к нему.

Это было не место.

Скорее воспоминание.

Кейн оглянулся.

— Чей?

Ли́ра не ответила.

Они дошли до площади.

Здесь стало хуже.

Звук усилился.

Смех — громче.

Голоса — яснее.

Всё вокруг выглядело пугающе убедительным.

На помосте стояли музыканты.

Играли одну и ту же мелодию.

Сначала казалось — нормально.

Потом Ли́ра заметила:

один из музыкантов каждый раз сбивался на одном и том же движении.

Пальцы скользили по струнам.

Замирали.

Возвращались назад.

И повторяли всё снова.

Несколько человек в толпе тоже двигались с одинаковой задержкой.

Будто память города сбивалась.

— Это не ломается.

— Тогда что?

— Просто повторяется.

Она шагнула ближе.

И увидела себя.

На краю площади.

Другая Лира стояла в толпе.

Моложе.

В другой одежде.

С распущенными волосами.

Без этой усталости во взгляде.

Она смеялась.

По-настоящему.

Лира почувствовала, как напряглись плечи.

Кейн замер рядом.

— Это ты.

— Была.

— Что?

— Ничего.

Другая Лира говорила с кем-то, кого сначала скрывала толпа.

Потом люди расступились.

И он повернулся.

Всё вокруг будто стало тише.

Он стоял рядом с ней.

Тот.

Каким был раньше.

Человеком.

Живым.

Спокойным.

Слишком.

Кейн прошептал:

— Это он?

Лира кивнула.

Он не был чудовищем.

Не был голосом.

Не был голодом, который ползёт через чужие рты и глаза.

Он выглядел как человек, которому можно доверить спи-

ну.

И от этого воспоминание становилось только хуже.

Это пугало сильнее всего.

«Ты помнишь это».

Голос прозвучал рядом.

Не в голове.

Прямо в воздухе.

Лира не обернулась.

— Да.

Кейн резко повернулся.

— Где он?

— Здесь.

— Я не вижу.

— И не должен.

«Ты смеялась».

Лира сжала пальцы.

Ключ в ладони стал холоднее.

«Ты была счастлива».

— Замолчи.

Кейн посмотрел на неё.

— Он снова говорит?

— Да.

«И всё равно сделала это».

Лира закрыла глаза.

Воспоминание будто втянуло её глубже.

Музыка.

Свет.

Толпа.

Его рука рядом с её рукой.

Почти касается.

— Останься, — сказал он тогда.

Память вернулась резко.

Как она не ответила сразу.

Как смотрела на него.

Как будто уже знала ответ.

Лира открыла глаза.

— Нет.

Кейн шагнул к ней.

— Что ты видишь?

Она не ответила.

Другая Лира повернулась к нему.

Сказала что-то тихо.

Слишком тихо, чтобы услышать.

Он нахмурился.

Не понял.

А потом понял, что она уходит.

И в его лице появилось не подозрение.

Боль.

«Вот здесь», — сказал голос.

Теперь он звучал ближе.

И от этого становилось только хуже.

«Вот где ты выбрала».

Лира сделала шаг назад.

— Нет.

Кейн схватил её за руку.

— Лира!

Она вырвалась.

— Не трогай!

Город будто дрогнул.

Люди на площади вдруг остановились.

Музыка оборвалась на одной ноте.

У нескольких людей одновременно дёрнулись головы.

С одинаковым движением.

Слишком синхронно.

Потом началась снова.

Слишком резко.

Смех стал резким.

Голоса наложились друг на друга.

Люди начали повторять движения рывками:

поднятая рука.

шаг.

поворот головы.

снова поднятая рука.

Кейн отступил.

— Что происходит?

Лира смотрела только на себя.

На ту, прежнюю.

Та делала шаг назад от него.

От человека, который ей доверял.

И молчала.

«Ты не сказала ему».

Лира замерла.

Кейн услышал её дыхание.

— Что?

Она прошептала:

— Я знала.

Звук оборвался.

Даже вода за стенами города будто перестала двигаться.

«Ты знала, что они придут».

Холод прошёл насквозь.

Этот холод был её.

Кейн смотрел на неё уже иначе.

— Лира...

Она не ответила.

Сцена изменилась.

Теперь площадь была той же, но вечер стал темнее.

Музыка звучала глуше.

Людей стало меньше.

Прежняя Лира стояла у прохода между домами.

В руке — ключ.

Тот самый.

Чёрный.

Невозможный.

Он подошёл к ней.

Медленно.

Без страха.

Он ещё не знал, что должен бояться.

— Что случилось? — спросил он.

Лира не слышала слов полностью.

Но губы читались ясно.

Прежняя она покачала головой.

Солгала.

И он поверил.

Кейн тихо сказал:

— Ты ему не сказала.

Лира закрыла глаза.

— Нет.

— Почему?

Она усмехнулась.

Без радости.

— Потому что хотела жить.

Пауза.

Кейн отступил на шаг.

Небольшой.

Но она заметила.

— Ты выдала его?

— Я не...

Она оборвала себя.

Почти сказала привычную ложь.

Я не знала, что они сделают.

Я не думала, что всё закончится так.

У меня не было выбора.

Но эти слова давно ничего не значили.

— Я не остановила, — сказала Лира.

Кейн смотрел на неё молча.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Он шагнул ближе.

Теперь осторожно.

— Ты не жертва.

Лира медленно подняла взгляд.

Воспоминание начало расползаться прямо у них на глазах.

Не стены.

Не камень.

Само воспоминание вокруг них.

Люди становились прозрачнее.

Лица смазывались.

Смех распадался на обрывки.

«Скажи ему», — прошептал голос.

Лира сжала ключ.

— Замолчи.

«Скажи, что закрыла дверь».

Кейн резко посмотрел на неё.

— Какую дверь?

Она не ответила.

«Скажи, что слышала, как я звал».

Лира ударила кулаком по ближайшей стене.

Костяшки обожгло болью.

Стена повела.

И на мгновение провалилась внутрь.

За ней —

коридор.

Тёмный.

Железная дверь.

Рука на ключе.

Его голос за дверью.

Сначала спокойный.

Потом уже нет.

Лири отшатнулась.

Кейн схватил её за плечо.

— Что ты сделала?

Она резко повернулась.

Нож оказался у его горла раньше мысли.

Кейн замер.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Теперь я понимаю, почему он тебя ищет.

Лири тяжело дышала.

Нож дрогнул.

— Не говори так.

— Почему?

Пауза.

— Потому что это правда?

— Потому что ты не знаешь.

— Тогда скажи.

Тишина.

Город продолжал распадаться.

Люди исчезали не сразу.

Сначала исчезали лица.

Потом — голоса.

Музыкант на помосте всё ещё пытался играть.

Его пальцы продолжали двигаться по воздуху.

Будто руки всё ещё помнили движение.
Но инструмента в его руках уже не было.
Вода за городом заговорила громче.

Тяжёлая.

Чёрная.

Настоящая.

Лири медленно убрала нож.

— Я не сказала ему, что за ним придут.

Кейн молчал.

Она продолжила:

— Я знала, где он будет.

Пауза.

— Знала, когда.

Ещё тише:

— И знала, что они ищут его.

Кейн смотрел на неё не мигая.

— И ушла.

Он долго молчал.

Потом спросил:

— А дверь?

Лири сжала ключ.

Она не смогла ответить сразу.

Голос прошептал рядом:

«Не всё сразу».

И впервые в голосе слышалось почти удовольствие.

Лири закрыла глаза.

— Дверь была потом.

— Потом? — переспросил Кейн.

Она открыла глаза.

Площадь исчезла.

Они стояли на пустом каменном берегу.

Перед ними была вода.

Широкая.

Тёмная.

За водой — башня.

Не та, что в первом городе.

Другая.

Ниже.

Старше.

Лири узнала её сразу.

И сразу пожалела.

Кейн проследил за её взглядом.

— Это там?

Он понял раньше, чем договорил.

— Начало.

Лири смотрела на башню.

Ключ в её руке стал почти ледяным.

Голос прозвучал уже не шёпотом.

Очень близко.

— Теперь ты начинаешь говорить правду.

Лири медленно выдохнула.

Кейн стоял рядом.

Но уже не так близко, как раньше.

И впервые за долгое время это не раздражало.

Она посмотрела на воду.

— Нам туда.

Кейн усмехнулся.

Сухо.

Почти чуждо.

— Конечно.

Пауза.

— А если я не пойду?

Лири не повернулась.

— Тогда останешься здесь.

— С твоими воспоминаниями?

Она посмотрела на него.

— Нет.

Вода у берега дрогнула.

В глубине будто что-то шевельнулось.

— С его.

Кейн больше не спорил.

Они пошли вдоль берега.

К башне.

Даже когда город исчез за спиной, музыка продолжала звучать у Лиры в памяти.

Глава 5

Берег был пустым.

После города берег казался непривычно пустым.

Ни домов, ни людей, ни даже старых следов на камне.

Только вода впереди и башня за ней.

Лира шла первой.

Не ускоряясь.

Она уже понимала: стоит сбиться — что-то изменится.

Кейн держался позади.

На расстоянии.

Теперь уже не случайно.

— Ты всегда идёшь первой? — спросил он.

Лира не обернулась.

— Когда есть куда идти — да.

— А когда нет?

Лира ответила не сразу:

— Тогда всё равно.

Кейн хмыкнул.

Но уже без прежней лёгкости.

— Удобная позиция.

— Рабочая.

Между ними снова повисла тишина.

Вода двигалась медленно.

У берега плавал мусор:

щепки, обрывки сети, почерневшая доска.

Между камней застряла перевёрнутая рыбацкая корзина.

Ли́ра остано́вилась у самого́ края.

Ба́шня стояла́ впе́реди.

Она́ казала́сь бли́же, чем́ дол́жна́ бы́ла́ бы́ть.

И од́новремен́но — недо́сяга́емой.

Ме́жду́ ними́ тяну́лся мо́ст.

Разру́шенный.

Пли́ты уходи́ли в во́ду.

Не́которые́ висели́ под у́глом.

Не́которых́ не́ было́ во́все.

На́ уцеле́вших́ пли́тах ещё́ видне́лись стёр́тые теле́жные
борозды́.

Но́ де́ло́ бы́ло́ не́ в разру́шении.

В нём́ бы́ло́ что-то́ непра́вильное.

Казало́сь, мо́ст не́ разру́шался́ со вре́менем, а продо́лжал
меня́ться́ пра́мо́ сей́час.

— Отли́чно, — сказа́л Ке́йн.

Пау́за.

— Ты́ то́чно́ уме́ешь́ выби́рать́ доро́ги.

— Э́то́ не́ доро́га.

— То́гда́ что́?

Ли́ра́ посмо́трела́ на́ ба́шню.

— Вхо́д.

Ке́йн подо́шёл́ бли́же.

Под са́пога́ми́ хрустели́ мо́крые́ раку́шки.

Он двигался осторожнее, чем раньше.

После города они оба держались друг с другом осторожнее.

Посмотрел вниз.

В воду.

И сразу отвернулся.

Слишком резко.

Лира заметила.

— Что ты увидел?

Он покачал головой.

— Ничего.

— Врёшь.

Кейн не стал спорить.

Только тихо сказал:

— Это не отражение.

Лира шагнула к краю.

Посмотрела вниз.

Вода не отражала небо.

От неё тянуло сыростью старых подвалов.

Не отражала их.

Она показывала другое.

В воде отражалась не башня.

Другая дверь.

Железная.

И её собственная рука с ключом.

Лира резко выпрямилась.

Отступила на шаг.

Сердце дёрнулось.

Кейн смотрел на неё внимательно.

— Ты тоже видишь.

Не вопрос.

Она медленно кивнула.

— Да.

Кейн снова посмотрел в воду.

И не смог отвернуться.

— Я...

Он замолчал.

— Что?

Он провёл рукой по лицу.

— Я там не один.

Лира не двигалась.

— Ты говорил, вас было пятеро.

— Было.

Пауза.

— И ты вышел один.

Кейн усмехнулся.

Глухо.

Без веселья.

— Нет.

Он поднял на неё взгляд.

— Я ушёл первым.

— Забрал лошадь и воду.

Оставил им почти ничего.

Несколько секунд слышалась только вода под мостом.

Лира не отвела глаз.

— Похоже.

Он кивнул.

— Да.

— Значит, мы оба виноваты, — сказал Кейн.

— Нет, — ответила Лира.

— Я хуже.

Вода дрогнула.

И голос прозвучал.

Не только для неё.

Для них обоих.

— Почти начали говорить честно.

Кейн резко обернулся.

— Я слышал.

Лира кивнула.

— Да.

— Это он?

— Да.

Пауза.

Кейн медленно выдохнул.

— Отлично.

Он посмотрел на мост.

— Тогда логично было бы не идти.

— Поздно.

Лира шагнула на первую плиту.

Камень тихо скрипнул.

Но выдержал.

Кейн остался на берегу.

— Лира.

Она не обернулась.

— Ты идёшь?

Пауза.

Кейн снова посмотрел в воду.

И замер.

Лира ждала.

Секунда.

Две.

Три.

— Чёрт, — тихо сказал он.

И шагнул следом.

Камень под его сапогом сразу сдвинулся на несколько сантиметров.

Снизу посыпалась влажная крошка.

Кейн тихо выругался.

Мост оказался хуже, чем выглядел.

Плиты не просто шатались.

Они смещались.

Иногда почти незаметно.

Иногда слишком явно.

Лири сделала шаг.

И почувствовала:

камень под ногой был чуть не там, где должен.

Она остановилась.

Посмотрела назад.

Берег оказался дальше.

Чем секунду назад.

— Ты это видишь? — спросила она.

Кейн кивнул.

— Да.

— Мост меняется.

— Нет, — тихо сказал он.

Пауза.

— Мы меняемся.

Лири не ответила.

Они пошли дальше.

Теперь каждый шаг ощущался как проверка.

Как выбор.

Ошибка здесь уже ничего не оставляла.

Вода была слишком близко.

И будто живой.

Лири старалась не смотреть вниз.

Но взгляд всё равно срывался.

С каждым взглядом дверь становилась ближе.

Кейн позади сказал:

— Она закрыта.

Лира замерла.

— Что?

— Дверь.

Пауза.

— Я тоже её вижу.

Холод медленно прошёл по спине.

— Тогда не смотри.

— Не получается.

Ещё шаг.

Плита под ногой Кейна треснула.

Он не успел среагировать.

Камень ушёл вниз.

И он провалился.

Слишком резко.

Лира обернулась.

Рука сработала раньше мысли.

Она схватила его.

Крепко.

Кейн повис над водой.

И замер.

Не кричал.

Не дёргался.

В его взгляде было не только страх.

Узнавание.

— Я их оставил, — сказал он.

Голос прозвучал глубже.

Чуждо.

Почти не его.

Лира тянула его вверх.

— Держись.

— Я мог вернуться.

Вода под ним двигалась.

Поверхность шла кругами, будто под мостом что-то дышало.

И в ней —

лица.

Пятеро.

Смотрят вверх.

Ждут.

— Я не вернулся.

Лира напряглась сильнее.

— Кейн!

— Они звали меня.

Он не сопротивлялся.

Это пугало сильнее всего.

— Так же, как он звал тебя.

Лира замерла.

Всего на секунду.

Но этого почти хватило.

Его рука начала выскользывать.

Вода поднялась.

Слишком высоко.

Будто тянулась к нему.

Лира стиснула зубы.

— Нет.

И рванула сильнее.

Жёстко.

Резко.

Вытащила его обратно.

Кейн ударился о плиту.

Воздух вырвался из лёгких.

Он дышал тяжело.

Живой.

Тишина.

Они не смотрели друг на друга.

Лира слышала голос.

И едва не ответила.

Они поднялись.

И пошли дальше.

Медленнее.

Осторожнее.

Теперь каждый шаг чувствовался слишком остро.

Когда они ступили на камень у башни —

мост за спиной треснул.

Громко.

Одна из плит ушла вниз.

В воду.

И не вернулась.

Путь назад закрылся.

Ли́ра не обернулась.

Кейн тоже.

Перед ними была дверь.

Доски почернели от сырости и морского ветра.

Деревянная.

Старая.

Но закрытая.

Узнаваемая.

Ли́ра остановилась.

Ключ в руке стал тяжёлым.

Почти невыносимым.

Он ощущался уже не как предмет, а как что-то, от чего
нельзя отказаться.

— Это она, — тихо сказал Кейн.

— Да.

Пауза.

— Ты откроешь?

Ли́ра смотрела на дверь долго.

Дольше, чем нужно.

Рука дрогнула.

Почти незаметно.

Но она почувствовала.

Перед глазами снова вспыхнул коридор.

Тёмный.

Узкий.

И голос за дверью — сначала спокойный, потом испуганный.

Пахло мокрым железом и старой плесенью.

— Не открывай...

— Лира...

Она резко вдохнула.

Сжала ключ сильнее.

— Уже открывала.

Тишина.

Кейн ничего не ответил.

И не стал.

Потому что в этот момент голос прозвучал снова.

Не рядом.

Не в голове.

Прямо за дверью.

Живой.

Спокойный.

Слишком знакомый.

— На этот раз не уходи.

Лира закрыла глаза.

Всего на секунду.

И впервые за всё время остановилась.

Ключ остался в её руке.

Но не повернулся.

Глава 10

Ключ не входил в замок.

Сначала Лира решила, что ошиблась.

Потом поняла:

замка не было.

На двери не было ни скважины, ни ручки, ни щели, куда можно было бы вставить ключ.

Только старое дерево, потемневшее от сырости.

И следы пальцев на уровне груди.

Местами ногти содрали верхний слой дерева почти до щепы.

Следы на двери выглядели так, будто кто-то долго пытался выбраться наружу.

Кейн смотрел на дверь молча.

Лира подняла ключ.

Он стал тяжелее.

— Тогда зачем ты здесь? — тихо спросила она.

Вместо ответа дверь дрогнула.

Один раз.

Не от ветра.

Изнутри.

Кейн отступил на шаг.

— Лира.

— Молчи.

— Это плохая идея.

— Я знаю.

— Нет, — сказал он тихо. — Ты не забыла. Просто не помнишь.

— Ты не забыла.

Просто не помнишь.

Пауза.

— Это хуже.

Она посмотрела на него.

Он побледнел.

Вода оставила тёмные пятна на одежде, хотя он не упал.

Ткань пахла тиной и речной гнилью.

Не до конца.

— Можешь остаться снаружи, — сказала Лира.

Кейн усмехнулся.

На мокром рукаве всё ещё темнело пятно от воды.

Он старался не смотреть в сторону моста.

— После того как мост исчез? Очень смешно.

Лира снова повернулась к двери.

Голос за ней больше не повторялся.

Это было хуже.

За дверью больше не было ни звука.

Она приложила ладонь к дереву.

Тёплое.

Почти как кожа.

Воспоминание ударило сразу.

Коридор.

Свет за спиной.

Темнота впереди.

Его голос за дверью:

— Лира, открой.

Она резко отдернула руку.

Кейн заметил.

— Что?

— Ничего.

— Хватит.

Она обернулась слишком быстро.

— Что?

— Хватит говорить «ничего».

Вода за спиной двигалась медленно.

Стены будто сдвигались ближе.

Воздуха стало меньше.

Кейн сказал тише:

— Я не прошу исповеди.

— Но если за этой дверью то, что сделало его таким... я

хочу понимать, с кем иду.

Лира долго смотрела на него.

Потом сказала:

— Нет.

— Нет?

— Ты хочешь понять, можешь ли мне доверять.

— А могу?

Она не ответила.

Кейн медленно кивнул.

— Понял.

И тогда дверь открылась.

Сама.

Без скрипа.

Без усилия.

Тьма внутри выглядела слишком глубокой.

Лира замерла.

Кейн тихо выругался.

Изнутри пахло железом, мокрым камнем и чем-то сладким.

Как на старом празднике, который закончился слишком давно.

Слишком сладким.

Почти праздничным.

И музыка.

Едва слышная.

Лира закрыла глаза.

— Нет.

Но музыка продолжалась.

Та самая мелодия.

С самого начала.

Она вошла первой.

Кейн — за ней.

Внутри башня была больше, чем должна.

Снаружи — узкая, старая, почти пустая.

Внутри башня превращалась в огромный зал, который никак не мог помещаться в её внешних стенах.

С высоким потолком, теряющимся в темноте.

По стенам горели свечи.

Часть стояла в дешёвых жестяных подсвечниках, часть — просто в бутылках из мутного стекла.

Часть уже оплыла почти до основания.

Но никто их не менял.

Казалось, свечи здесь горели сами по себе.

Сотни свечей.

Воздух был тяжёлым от воска и копоти.

И всё равно света не хватало.

В центре стояла дверь.

Железная.

Та самая.

Лира остановилась.

Кейн тоже.

— Это невозможно, — сказал он.

Здесь слово “невозможно” уже ничего не значило.

Железная дверь была закрыта.
На ней висел замок.
Чёрный.

Старый.

Будто ждал её.
Ключ в руке Леры стал горячим.
Впервые.
Она сжала его сильнее.
— Лира.
Голос прозвучал не из-за двери.
Сверху.
Из темноты.
Кейн вскинул нож.
Лира не двигалась.
Она знала этот голос.
Но не таким.
Не шёпотом.
Не через чужие рты.
Не через воду и память.
Голос звучал почти по-настоящему.
— Ты пришла, — сказал он.
Из темноты вышел человек.
Нет.
Не человек.

Но и не чудовище.

Он был похож на того, кого она видела на площади.

Те же черты.

Та же осанка.

Тот же взгляд.

Но что-то в нём было неправильным.

Спокойствие в нём выглядело искусственным.

Как плохо воспроизведённая человеческая эмоция.

Будто его собрали по памяти.

Как портрет, который слишком долго пытались восстано-
вить по чужим рассказам.

И не до конца понял, как выглядят живые люди.

Кейн прошептал:

— Это он.

Лири не ответила.

Он смотрел только на неё.

— Ты долго шла.

— Ты долго ждал.

На его лице появилась улыбка.

Почти настоящая.

— Я не умею иначе.

Кейн шагнул вперёд.

— Что ты такое?

Он даже не посмотрел на него.

— Остаток.

Лири сжала ключ сильнее.

— Лжёшь.

Улыбка стала шире.

— Учусь у тебя.

Он сказал это слишком точно.

Лира почувствовала это почти физически.

Как удар под рёбра.

Не физически.

Гораздо хуже.

Кейн посмотрел на Лиру.

Она не отвела взгляд от него.

— Ты не он, — сказала она.

— Нет.

Пауза.

— И да.

Он сделал шаг ближе.

Пламя свечей качнулось одновременно.

С потолка посыпалась мелкая каменная пыль.

Будто зал вдохнул.

Вина поднялась внутри слишком быстро — старая, тяжёлая, живая.

Он будто втянул её в себя.

Медленно.

С облегчением.

— Ты всё ещё такая сильная.

Кейн резко сказал:

— Не слушай его.

Он впервые повернул голову к Кейну.

Взгляд стал холоднее.

— А ты всё ещё думаешь, что выжил случайно.

Кейн побледнел.

Лири шагнула между ними.

— Смотри на меня.

Он послушался.

Слишком легко.

— Я всегда смотрел.

Музыка стала громче.

За железной дверью кто-то ударил.

Один раз.

Лири вздрогнула.

Кейн посмотрел на дверь.

— Там кто-то есть.

— Был, — мягко сказал он.

Земля будто ушла из-под ног.

— Нет.

— Был.

Он сделал ещё шаг.

— Пока ты не закрыла.

Железная дверь снова дрогнула.

Замок на ней тихо ударился о металл.

И теперь Лира слышала.

Не голос.

Память голоса.

— Лира!

Она зажмурилась.

— Хватит.

Он подошёл ближе.

Теперь между ними оставалось несколько шагов.

— Ты пришла убить меня?

Она открыла глаза.

— Да.

— Потому что ненавидишь?

Она молчала.

Он наклонил голову.

— Нет.

Пауза.

— Потому что, если я умру, ты сможешь назвать это искуплением.

Кейн тихо сказал:

— Лира...

Она подняла нож.

Рука не дрожала.

— Подойди.

Он посмотрел на лезвие.

Потом на неё.

И сделал шаг.

Кейн напрягся.

— Не надо.

Ещё шаг.

Лира могла ударить.

В горло.

В сердце.

Куда угодно.

Он не защищался.

Он ждал.

И дело было не в доверии.

Будто он и так знал, что она ударит.

Лира ударила.

Лезвие вошло легко.

Без сопротивления.

Кейн выдохнул.

Свечи погасли почти сразу.

В воздухе остался только запах горячего воска.

Осталась одна.

У железной двери.

Он посмотрел вниз.

На нож.

Потом снова на неё.

И улыбнулся.

Грустно.

По-человечески.

— Видишь?

Из раны не было крови.

Только тьма внутри.

Густая, как вода в глубоком колодце.

Она вытекала дымом.

Рука словно застряла внутри густой холодной жидкости.

Тьма держала крепче, чем любое тело.

Она не смогла.

Тьма уже обвинялась вокруг пальцев.

Кейн бросился к ней.

Сапоги скользнули по воску, натёкшему на камень.

— Лира!

Он поднял руку.

Не Кейн.

Он.

И Кейна отбросило назад.

Тот ударился о камень и рухнул.

Лира не могла двинуться.

Тьма ползла выше.

Холодная.

Живая.

Он наклонился к ней.

Так близко, что она услышала его дыхание.

Или что-то очень похожее на дыхание.

— Убить меня легко, — прошептал он. — Но место не останется пустым.

Слова из монастыря сразу всплыли в памяти.

Если ты убьёшь его, место останется.

И кто-то займёт его.

Тот, кто окажется ближе всех.

Лира попыталась отпустить нож.

Поздно.

Тьма уже была в ней.

Он коснулся её лица.

Почти нежно.

— Я не искал тебя, чтобы умереть.

Его взгляд стал глубже.

Темнее.

Почти чужим.

— Я искал тебя, чтобы вернуться.

Железная дверь за его спиной открылась.

Петли заскрипели так, будто их не трогали много лет.

Медленно.

Внутри не было комнаты.

Не было коридора.

Только голос.

Её собственный.

Молодой.

Испуганный.

— Закрой.

Лира перестала дышать.

Он улыбнулся.

— Вот теперь вспомни.

И тьма вошла в неё полностью.

Глава 6

Сначала она не поняла, что проснулась.

Потому что ничего не изменилось.

Тьма осталась прежней.

Густой настолько, будто воздух здесь годами не двигался.

Темнота казалась плотной.

Лирика не двигалась.

Не потому, что не могла.

Потому что слушала.

Прошло несколько секунд.

Ничего.

Ни голоса.

Ни шагов.

Ни дыхания.

Это было неправильно.

Она открыла глаза.

Темнота осталась.

Но теперь она знала: это не ночь.

Это место.

Она медленно вдохнула.

Воздух был холодным. Каменным. Застоявшимся.

Пахло пылью, сыростью и старым железом.

Башня.

Она села.

Тело отозвалось не сразу.

Лира опустила взгляд на руку.

Ту, в которую входила тьма.

Кожа была чистой.

Без следов.

Без ран.

Но что-то внутри осталось.

Ей хотелось проверить, осталось ли ощущение.

Это испугало сильнее всего.

Она сжала пальцы.

И почувствовала.

Не боль.

Что-то хуже.

Будто внутри что-то откликалось.

Она резко разжала ладонь.

— Нет.

Голос прозвучал тихо.

Слишком тихо.

Но в тишине это было достаточно.

— Ты тоже это чувствуешь?

Лира подняла голову.

Кейн.

Он сидел у стены.

Далеко.

Слишком.

Будто подходить ближе уже опасно.

И Лира сразу заметила это расстояние.

— Сколько я была без сознания? — спросила она.

— Не знаю.

— Долго.

Она кивнула.

— Ты не подходил.

Не вопрос.

Факт.

Кейн не стал отрицать.

— Нет.

Лира медленно встала.

Ноги держали.

Но странно.

Тело двигалось нормально, но ощущалось чужим.

Она сделала шаг.

И остановилась.

Кейн напрягся.

— Не подходи.

Она замерла.

Посмотрела на него.

— Почему?

Он стиснул зубы.

— Потому что я не уверен, кто сейчас передо мной.

— Тогда решай.
Кейн поморщился.

Будто хотел услышать что угодно, кроме этого.

— Я смотрю.

— И?

Он не ответил.

Она огляделась.

Зал исчез.

Свечей не было.

Железной двери — тоже.

Только каменные стены.

И лестница.

На полу валялись остатки догоревших свечей и ржавые крепления от факелов.

Узкая.

Вверх.

— Мы внутри, — сказал Кейн.

— Да.

— И он...

Он не договорил.

Она шагнула к лестнице.

Кейн резко сказал:

— Стой.

Она остановилась.

Но не обернулась.

— Что?

— Мы не обсудили.

— Что?

— То, что произошло.

Лира закрыла глаза на секунду.

— Сейчас не время.

— Сейчас единственное время.

Голос Кейна дрогнул сильнее, чем ему хотелось.

Пауза.

Она повернулась.

Медленно.

— Ты хочешь поговорить?

— Я хочу понять, иду ли я с человеком, который только

что... — он замолчал.

— Скажи.

Кейн выдохнул.

— ...который меняется у меня на глазах.

Кейн всё ещё пытался понять, насколько она изменилась.

Лира коротко усмехнулась.

Не потому, что было смешно.

Просто больше не хотела бояться этой фразы.

Внутри что-то дёрнулось.

Она сжала челюсть.

— Тогда не иди.

— Уже не могу.

— Почему?

Он посмотрел на неё.

И в его глазах было то, чего раньше не было.

— Потому что я это чувствую.

Он сказал это почти зло.

Будто уже устал бояться.

Голос у Кейна звучал так, будто он сам устал от собственного страха.

— Что?

Лира замерла.

— Объясни.

Он провёл рукой по лицу.

— Когда ты... — он запнулся. — Когда это вошло в тебя...

Он замолчал.

Потому что слова не подходили.

— Я почувствовал, — сказал он наконец. — Что ты стала ближе.

— Не он.

— Тогда что?

Кейн посмотрел прямо на неё.

— Ты.

Лира ничего не сказала.

Внутри снова что-то шевельнулось.

Он был прав.

И хуже всего — часть её не хотела это терять.

Она отвернулась.

— Идём.

— Нет.

Она остановилась.

Повернулась.

— Нет?

— Нет.

Кейн встал.

Но не приблизился.

— Сначала ответь.

— Я уже ответила.

— Нет.

Он шагнул вперёд.

Один шаг.

И остановился.

— Ты хотела его убить.

— Да.

— Ты его ударила.

— Да.

— И он не умер.

— Да.

Кейн стиснул зубы.

— И потом ты не смогла вытащить нож.

Лира не ответила.

— Потому что это уже было не просто ты.

Тишина.

Она посмотрела на него.

— Закончил?

Он не ждёт.

Повторяет.

— Нет.

Он сделал ещё один шаг.

— Ты почувствовала это.

— Что?

— Силу.

Лира усмехнулась без веселья.

— Ты путаешь.

— Нет.

— Это не сила.

Кейн не отвёл взгляд.

— Тогда почему ты так за это держишься?

Лира посмотрела на руку.

Слишком долго.

— Потому что она отвечает.

Кейн отвёл взгляд первым.

Оба замолчали.

Кейн отступил на полшага.

Неосознанно.

Она заметила, что ей понравилось, как он отступил.

Это пугало сильнее всего.

Лира резко вдохнула.

— Не делай так.

— Как?

— Не отходи.

Слова вырвались раньше, чем она успела их остановить.

Он замер.

— Почему?

Она не ответила сразу. Не хотела. Но сказала.

— Потому что я это чувствую.

Пауза.

Кейн побледнел.

— Что?

Она посмотрела на него.

В этот момент это случилось.

Она почувствовала его страх раньше, чем посмотрела на него.

У него дрожали пальцы на рукояти ножа.

Он накрыл её сразу.

Лира резко вдохнула.

Сильнее, чем нужно.

И на секунду —

всё стало ближе.

Она почувствовала его дыхание.

Пульс.

Напряжение.

И ей не хотелось это терять.

Она отступила.

Слишком резко.

— Нет.

Кейн напрягся.

— Что?

Она отвернулась.

— Ничего.

— Ты опять —

— Замолчи!

Голос сорвался.

Чужой.

Тишина.

Они смотрели друг на друга.

И теперь —

он понял.

— Ты это сделала, — сказал он тихо.

— Нет.

— Да.

— Ты только что —

— Я сказала — нет.

Кейн медленно покачал головой.

— Ты уже меняешься.

И в этот раз в голосе Кейна не было попытки её успокоить.

Ли́ра хоте́ла возрази́ть.

Но вме́сто это́го пойма́ла се́бя на мы́сли:

е́й хоте́лось до́каза́ть, что он оши́бае́тся.

Не по́тому, что это́ пра́вда.

А по́тому что сохрани́ть ко́нтроль ста́ло ва́жнее.

Ли́ра за́крыла гла́за.

На се́кунду.

Она́ разв́ернула́сь.

— Идём.

— Ку́да?

Она́ по́смотрела́ на ле́стницу.

— Вве́рх.

— По́чему?

— По́тому что он та́м.

Ке́йн не дви́гался.

— И ты всё е́щё хо́чешь его́ уби́ть?

Ли́ра за́мерла.

Во́прос бы́л сли́шком то́чным.

Она́ не отве́тила сразу́.

По́тому что отве́та у не́ё не бы́ло.

И это́ бы́ло за́метно.

Ке́йн выдо́хнул.

— Во́т.

Ти́шина.

— Во́т в че́м про́блема́.

Она́ по́вернула́сь к нему́.

Медленно.

— Тогда предложи что-нибудь лучше.

Кейн посмотрел на неё.

Долго.

— Остановиться.

Она усмехнулась.

— Поздно.

— Тогда остановить тебя раньше.

Он сказал это тихо.

Но не отвёл руку от ножа.

Тишина.

Это не прозвучало как угроза.

Лира кивнула.

— Возможно.

— Но не сейчас.

Она шагнула на первую ступень.

Камень под ногой не скрипнул.

Ступени были стёрты так, будто по ним ходили десятилетиями.

Не дрогнул.

Будто её давно ждали.

Кейн стоял внизу.

Несколько секунд.

Потом выдохнул.

— Чёрт.

Будто уже знал, что всё равно пойдёт за ней.

И пошёл за ней.

Чем выше они поднимались —

тем тише становилось.

Не как раньше.

Не мёртвая тишина.

Мир вокруг будто отсекал всё лишнее.

Даже запах сырости постепенно исчез.

Шаги.

Дыхание.

Сердце.

И —

чувства.

Лира остановилась.

Резко.

Кейн едва не врезался в неё.

— Что?

Она не ответила.

Потому что уже чувствовала.

Не его.

Не себя.

Кого-то ещё.

Наверху.

Спокойствие.

Глубокое.

Холодное.

И внутри — что-то знакомое.

Он.

Кейн тоже замер.

— Ты это чувствуешь?

Лири кивнула.

— Да.

— Он не прячется.

— Нет.

— Он ждёт.

И Кейну это нравилось всё меньше.

Лири подняла взгляд вверх.

Лестница уходила в темноту.

Это уже не было просто лестницей наверх.

Будто их вели.

Она сделала шаг.

Что-то внутри потянулось вверх раньше мысли.

Кейн тихо сказал:

— Лири.

Она не обернулась.

— Да.

— Если ты начнёшь меняться...

— Я тебя остановлю.

Сказал — и сам не поверил.

Она усмехнулась.

— Попробуй.

Кейн не ответил.

И пошла дальше.

Вверх.

Туда, где её уже ждали.

Глава 7

Лестница не заканчивалась.

Через какое-то время стало ясно: лестница не должна быть такой длинной.

Они поднимались слишком долго.

Шаги не сходились с расстоянием.

Пролёты повторялись.

Кейн в какой-то момент начал считать ступени вслух.

— Триста сорок две.

Ещё несколько шагов.

— Триста сорок две.

Ли́ра нахмурилась.

— Ты уже говорил.

— Нет.

Он остановился.

Посмотрел вниз.

Потом вверх.

— Мне это не нравится.

— И я уже не понимаю, лестница нас ломает или мы сами.

Трещина в камне под ногами появлялась снова и снова — в одном и том же месте, но каждый раз чуть иначе.

Кто-то когда-то пытался залить её свинцом, но металл давно высыпался.

Ли́ра остановилась.

Кейн сразу напрягся.

— Что?

Она не ответила.

Присела.

Провела пальцами по ступени.

Камень был холодным.

И влажным, как стены подземного колодца.

Под пальцами что-то дрогнуло.

Она отдёрнула руку.

— Она живая.

Кейн усмехнулся.

— Отлично. Теперь ещё и лестницы.

Но усмешка быстро исчезла.

— Я серьёзно.

Он перестал улыбаться.

Тишина.

Они стояли.

И слушали.

И тогда это пришло.

Не голос.

Не звук.

Сразу чувство.

Чужое.

Резкое.

Сильное.

Страх.

Ли́ра резко вдохнула.

Он был не её.

Она повернулась к Кейну.

Он уже смотрел на неё.

Бледный. Слишком.

— Ты это сделал? — спросил он.

— Нет.

— Тогда —

Кейн коротко рассмеялся.

Смех сразу поглотила лестница.

Нервно.

— Нет. Нет, это уже смешно.

Он согнулся.

Резко.

Схватился за голову.

— Чёрт—

Ли́ра шагнула к нему.

— Что ты—

— Он... — Кейн зажмурился. — Нет.

— Это не он.

— Тогда кто?

Кейн открыл глаза.

И взгляд был уже другим.

— Я.

Кейн сказал это почти с ненавистью к себе.

Тишина.

— Я снова проживаю тот момент, когда ушёл.

Лира замерла.

— Объясни.

Он отступил на шаг.

От неё.

— Я помню.

Голос дрогнул.

— Я стоял... там же.

Смотрел на них.

И уходил.

Пауза.

— Они звали меня.

— И я всё равно ушёл.

Лира почувствовала, как это поднимается внутри.

Его вина.

Живая.

Почти осязаемая.

Она вдохнула.

И на секунду ей показалось, что это уже её.

Шагнула ближе.

Кейн поднял голову.

И всё понял.

Страх появился у него раньше слов.

— Не надо.

Она остановилась.

Но уже поздно.

Контроль начал ускользать.

Он отступил.

Ещё.

— Ты опять.

Кейн уже говорил это не со злостью.

С усталостью.

— Я не —

— Да.

Он смотрел на неё теперь иначе.

Уже не как на спутника.

Как на угрозу.

— Ты это делаешь.

Лира закрыла глаза.

Пытаясь отпустить это.

Но отпускать уже не хотелось.

— Это не я, — прошептала она.

— Это ты, — сказал Кейн.

Он будто пытался убедить в этом и себя тоже.

Тишина.

Она открыла глаза.

И впервые испугалась себя.
Лестница дрогнула.
Сильно.
Камень под ногами ушёл на мгновение —
и вернулся.
Пролёт впереди просто исчез.
Перед ними открылась площадка.
Круглая.

Пустая.

Слишком ровная.
И три прохода.
На полу перед ними лежали старые потухшие лампы.
Вверх.
Вниз.
И в сторону.
Кейн посмотрел.
— Мы так не поднимались.
— Нет.
Лира смотрела на проход вверх.
Оттуда шло спокойствие. Нечеловеческое.
И внутри него —
он.
— Он там.
Кейн не двигался.

— А это?

Он кивнул на боковой проход.

Оттуда шло другое.

Страх.

И слабый запах человеческого пота.

Сильный.

Человеческий.

Живой.

Лира замерла.

— Там кто-то есть.

— Это ловушка.

Но сам посмотрел туда ещё раз.

— Всё здесь ловушка.

Она шагнула в сторону.

— Лира —

Теперь в голосе Кейна появилась почти паника.

— Один раз.

— Не надо.

Она не остановилась.

Потому что уже чувствовала:

этот страх.

Как что-то нужное.

Проход оказался коротким.

Слишком коротким.

Они прошли всего несколько шагов —

и вышли в комнату.

Маленькую.

Каменную.

С низким потолком.

У стены сидел человек с поднятыми руками.

Запястья были стянуты верёвкой.

Верёвка въелась в кожу почти до крови.

Он был жив.

Слишком явно.

Дышал тяжело.

Резко.

Поднял голову.

И посмотрел на них.

Глаза расширились.

— Помогите.

Голос сорвался.

Настоящий.

Лири остановилась.

Кейн тихо сказал:

— Мы это уже видели.

— Да.

— И чем закончилось?

Она не ответила.

Потому что знала:

не так.

Человек закашлялся.

— Он... он здесь...

Лира сделала шаг.

Медленно.

Кейн схватил её за руку.

— Не надо.

Она посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что ты уже решила.

И это напугало его сильнее всего.

Тишина.

Он был прав.

Она уже делала выбор.

Не помочь.

Использовать.

Она чувствовала его страх.

Каждый вдох.

Каждую попытку не сломаться.

Лира шагнула ближе.

Человек дёрнулся.

От него пахло потом и сыростью.

На воротнике рубахи засохли солевые разводы.

Верёвка так сильно стянула запястья, что кожа потемнела.

Он пытался вытереть лицо плечом, но руки дрожали слишком сильно.

— Пожалуйста...

Его голос стал слабее.

Но страх становился сильнее.

Она вдохнула.

Глубже.

Ещё.

Во рту появился металлический привкус.

Всё вокруг стало слишком чётким.

Она почувствовала его сердце.

Пульс.

Отчаяние.

И силу вместе с ним.

Она протянула руку.

Кейн сжал её сильнее.

— Ты даже не слушаешь.

Кейн сказал это резко.

Почти сорвался.

— Я слушаю.

— Нет. Ты уже смотришь на него иначе.

— Нет.

Но сама уже услышала, как неуверенно это прозвучало.

Она остановилась.

На грани.

Между шагом и падением.

Человек смотрел на неё.

С надеждой.

Слишком.

Лира закрыла глаза.

На секунду.

И увидела —

себя.

Перед дверью.

Тогда.

С тем же выбором.

И тем же молчанием.

Она резко открыла глаза.

— Нет.

И отдернула руку.

Сильно.

Как будто обожглась.

Кейн замер.

Она развернулась.

— Уходим.

Голос прозвучал слишком резко.

Будто она убегала не от комнаты.

Пауза.

Кейн не двигался.

Смотрел на человека.

Потом на неё.

И кивнул.

Они вышли.

Когда проход остался позади, Кейн резко отпустил её руку.

Слишком резко.

Будто обжёгся.

Лира остановилась.

— Что?

— Ничего.

Он вытер ладонь о плащ.

И только потом:

— Ты могла.

Кейн всё ещё смотрел на неё иначе.

Человек закричал.

— Пожалуйста!

Лира не остановилась.

Но на этот раз не потому, что «надо».

А потому что знала:

если остановится сейчас — уже не сможет уйти.

Они вернулись на площадку.

Тишина наверху ощущалась иначе.

Кейн сказал:

— Ты могла.

— Да.

Лира посмотрела на проход вверх.

— Пока.

Кейн ничего не ответил сразу.

И это оказалось хуже спора.
Слово повисло в тишине.
Даже она пожалела, что сказала это.
Они пошли вверх.
Лестница изменилась.
Теперь она не повторялась.
Она сужалась с каждым шагом.
Стены становились ближе.
Камень местами покрывала чёрная влажная плесень.
Воздух — тяжелее.
И чужие эмоции тоже.
Лира шла.
И чувствовала:
его.
Вверху.
От него исходило чужое спокойствие.
И внутри него —
ожидание.
Кейн остановился.
— Ты это чувствуешь?
— Да.
— Он не прячется.
— Нет.
— Он ждёт.
В голосе Кейна уже почти не осталось надежды, что всё

закончится нормально.

Ли́ра подняла взгляд.

— Он всегда ждал.

Последняя ступень.

И пространство открылось.

Резко.

Перед ними открылся большой пустой зал.

Под потолком висели старые цепи.

И в центре —

он.

Он просто ждал.

Ли́ра остановилась.

Кейн тоже.

И тогда —

они увидели.

Сначала один.

Потом второй.

Потом десятки.

Фигуры вокруг него.

Некоторые сидели на полу, другие стояли у стен, будто ждали уже очень давно.

Неподвижные.

Тихие.

Они стояли кругом.

И все —

с его лицом.

Кейн выругался.

Очень тихо.

Как человек, который наконец увидел то, чего боялся всю дорогу.

Потом коротко усмехнулся.

— Нет.

Пауза.

— Нет, это уже перебор.

Усмешка прозвучала почти болезненно.

Молодые. Старые. Спокойные. Искажённые.

На одной из фигур всё ещё висел остаток монастырской серой ткани.

Но —

его.

Кейн прошептал:

— Это...

Лира не ответила.

Потому что поняла.

Это были не копии.

А разные версии его.

Того, кем он был.

И кем становился.

И, возможно, тем, кем станет она.

Он улыбнулся.

Медленно.

Спокойно.

И сказал:

— Ты уже понимаешь.

Тишина.

Ли́ра почувствовала —

внутри не осталось сопротивления.

Не страх.

Не злость.

Хуже — согласие внутри.

Она сжала пальцы.

— Нет.

Но её собственный голос прозвучал чуждо.

Он сделал шаг.

И все остальные —

не двинулись.

— Ещё один шаг, — сказал он тихо, — и ты перестанешь

спрашивать.

Кейн рядом выдохнул:

— Не делай этого.

Теперь Кейн даже не пытался скрыть страх.

Ли́ра не отрывала взгляд.

— Почему?

— Потому что тогда тебя уже не будет.

Она сделала шаг.

И остановилась.

Ровно на границе.

Ли́ра почувствовала, что перенесла вес вперёд.

Совсем немного.

Но этого хватило.

Кейн заметил это раньше неё.

И впервые по-настоящему испугался.

Глава 8

Зал не двигался.

Но казалось, будто всё в нём ждёт.

Лира стояла на границе.

Один шаг —

и назад уже не будет.

Не дорога.

Выбор.

Она чувствовала это телом.

Он смотрел на неё.

Спокойно.

Без спешки.

Будто знал, что она всё равно шагнёт.

— Ты уже сделала половину, — сказал он.

Лира не ответила.

Внутри что-то дёрнулось.

Она сжала пальцы сильнее.

— Ты чувствуешь это.

— Да, — сказала она.

Он кивнул.

Почти мягко.

— Тогда не трать время.

Кейн тихо выругался.

Провёл ладонью по лицу.

— Я уже ненавижу этот зал.

— И его тоже.

— Заткнись.

Он даже не посмотрел на него.

— Ты всегда был шумом.

Тишина.

Кейн шагнул вперёд.

— Попробуй сказать это ещё раз.

Кейн сказал это раньше, чем понял, что вмешался.

Голос прозвучал жёстче, чем обычно.

Почти сорвался.

Лира только сейчас поняла:

Кейн действительно боится того, что услышит дальше.

Она не двинулась.

Он перевёл взгляд на Кейна.

И в этот момент давление в зале изменилось.

— Ты ушёл первым, — сказал он.

Кейн замер.

— Ты стоял у двери.

Лира резко повернула голову.

Кейн побледнел.

— Ты не знаешь —

— Я знаю всё, что ты оставил.

Пауза.

— И всё, что ты не сделал.

Кейн вытащил нож.

Движение получилось слишком быстрым.

Не как у человека, который решил атаковать.

Как у человека, у которого кончилось терпение.

— Замолчи.

Голос сорвался сильнее, чем он хотел.

Лира сказала:

— Стой.

Он не остановился.

Сделал шаг.

Ещё.

— Ты не имеешь права —

— У меня только то, что вы мне оставили.

Кейн ударил быстро и жёстко.

Но лезвие не дошло.

Пространство между ними исказилось.

Воздух стал плотнее.

Нож остановился.

В сантиметре.

Кейн напрягся.

Пытался продавить.

Бесполезно.

Он не двигался.

Только смотрел.

— Видишь? — сказал он тихо.

Ли́ра почувствовала:

это не защита.

Это контроль.

Почти небрежный.

Кейн выдохнул.

И отступил.

Не потому, что успокоился.

Потому что понял — бесполезно.

Он потряс кистью.

Пальцы плохо слушались после удара о плотный воздух.

Будто рука онемела.

— Ненавижу это.

Кейн вытер ладонь о плащ.

Пальцы всё ещё дрожали.

— Что?

— То, как рядом с ним всё становится неправильным.

Он снова посмотрел на Лиру.

— Ты хочешь его убить.

— Да.

— Нет.

— Ты хочешь всё закончить.

Она поняла, что он прав.

— Это не одно и то же.

Он улыбнулся.

— Ты сама это понимаешь.

Он сделал шаг ближе.

Медленно.

— Убить — это просто действие.

Пауза.

— Закончить — это выбор.

Тишина.

— И ты уже его делаешь.

Лира почувствовала, как внутри снова что-то поднимается.

Не злость.

Не страх.

Только настойчивая тяга.

— Не слушай его, — сказал Кейн.

Но теперь это прозвучало почти без уверенности.

Она не отвела взгляд.

— Поздно.

Он подошёл ещё ближе.

Теперь между ними было меньше двух шагов.

Лира чувствовала его.

Не тело.

Не присутствие.

Что-то другое.

Внутри него была неподвижность.

— Ты уже начала, — сказал он.

— Нет.

— Да.

Пауза.

— Ты чувствуешь их.

Лира замерла.

— Кого?

Он наклонил голову.

— Всех.

И в этот момент это пришло.

Сильнее, чем раньше.

Не один страх.

Сразу много.

Всё ударило одновременно.

Лира пошатнулась.

Кейн схватил её за плечо.

Почти слишком резко.

— Лира!

Она оттолкнула его.

Слишком резко.

Слишком сильно.

Кейн ударился плечом о камень.

И не сразу поднялся.
Тихо выдохнул сквозь зубы.
И на секунду в зале стало слышно только их дыхание.
Он отступил.
И она снова увидела его страх.
Снова.
Чистый.
Живой.
Это ударило в неё ещё сильнее.
Она вдохнула.
И на секунду захотела ещё.
Неосознанно.
Почти рефлекторно.
Она резко закрыла глаза.
— Нет.
Тишина.
Он наблюдал.
Внимательно.
— Вот, — сказал он мягко.
— Наконец-то.
Кейн закрыл глаза на секунду.

Будто уже устал это слышать.
Она открыла глаза.
— Это не я.
— Это ты.

Пауза.

— Просто без попыток оправдаться.

Кейн сказал:

— Хватит.

На этот раз Кейн сказал это не ему.

Ей.

Он встал рядом.

Между ними.

— Если ты сделаешь ещё шаг —

— Она сделает, — перебил он.

Тишина.

— Потому что уже хочет.

Кейн дёрнулся так, будто хотел возразить.

И не смог.

Лира посмотрела на Кейна.

Потом на него.

И поняла:

оба правы.

Это было хуже.

— Давай проще, — сказал он.

Будто устал объяснять.

Как будто они обсуждали что-то давно решённое.

Он поднял руку.

И зал изменился.

Не полностью.

Но этого хватило.

В центре —

появилась дверь.

Железная.

Та самая.

Кейн выдохнул:

— Нет...

В голосе Кейна было больше усталости, чем страха.

Лири не двигалась.

Но внутри всё сжалось сразу.

Слишком знакомо.

— Ты хочешь закончить? — спросил он.

— Тогда открой.

Ключ в её руке стал тяжёлым.

Металл нагрелся так сильно, что начал жечь ладонь.

Почти невыносимым.

Пальцы начали дрожать.

Не от страха.

Тело помнило.

Она сделала шаг.

Кейн схватил её.

Сильно.

— Нет.

Она остановилась.

Посмотрела на его руку.

Потом в глаза.

— Отпусти.

Она почувствовала, как напряглись его пальцы.

— Ты не вернёшься.

— Я и не возвращаюсь.

— Лира —

— Отпусти.

Он не отпускал.

— Это не выбор. Это ловушка по кругу.

Она смотрела на него.

Долго.

— А если это единственный способ?

Кейн замер.

— Тогда ты умрёшь.

Кейн сказал это слишком тихо.

Будто уже видел этот исход.

Голос Кейна прозвучал глухо.

Не как предупреждение.

Как признание того, что он не знает, как её остановить.

— Возможно.

Она мягко, но уверенно убрала его руку.

Он не сопротивлялся.

Потому что понял —

не удержит.

И это разозлило его сильнее страха.

Лира подошла к двери.

Медленно.

Каждый шаг давил всё сильнее.

Ключ стал горячим.

Внутри поднялось воспоминание.

Коридор.

Дверь.

Его голос.

— Лира, открой.

Она остановилась.

Прямо перед ней.

Рука поднялась.

Почти сама.

Ключ дрогнул.

Ещё немного — и ключ повернётся.

Она услышала снова:

— Закрой.

Её собственный голос.

Молодой.

Испуганный.

Она замерла.

Будто между двумя моментами.

Открыть.

Или закрыть.

Кейн тихо сказал:

— Лира...

Теперь в голосе Кейна почти не осталось приказа.

Только просьба.

Она не слышала.

Она не боялась его.

Она боялась себя тогда.

И себя сейчас.

Она медленно опустила руку.

Плечи дрожали.

Во рту стоял вкус ржавчины.

Только сейчас, когда стало ясно, насколько близко она по-
дошла.

Сделала шаг назад.

Ключ остался в её руке.

Но не повернулся.

Она обернулась.

Посмотрела на него.

— Ты этого хочешь.

Он не отрицал.

— Да.

— Значит, не сейчас.

Тишина.

Кейн выдохнул.

Резко.

С облегчением.

И сразу отвернулся от двери.

Он остался неподвижен.

Его улыбка исчезла.

Впервые.

— Ты всё ещё сопротивляешься.

Лира сжала ключ.

— Я хотя бы пытаюсь остановиться.

Пауза.

Он смотрел на неё.

Долго.

И впервые в его взгляде появилась неуверенность.

— Тогда ты будешь хуже.

Тишина.

Слова прозвучали не как угроза.

Скорее как знание.

Как знание.

Лира не ответила.

Она молча развернулась.

И отошла от двери.

Зал вернулся.

Под потолком снова тихо звенели цепи.

Дверь исчезла.

Остались только они.

И он.

И тишина.

Кейн сказал тихо:

— Ты уверена?

Будто боялся услышать «нет».

Лира посмотрела на него.

— Нет.

— Но это не значит, что он прав.

Кейн сказал это скорее себе.

Он стоял неподвижно.

И смотрел.

Но теперь уже не как тот, кто победил.

А как тот, кому впервые сказали «нет».

— Хорошо, — сказал он тихо.

— Тогда поднимайся дальше.

— Посмотрим, насколько тебя хватит.

За его спиной лестница уходила выше, в темноту.

Ступени были покрыты мелкой серой пылью, будто здесь давно никто не поднимался обычным шагом.

Лира посмотрела на неё.

И сделала шаг.

Кейн не сразу пошёл следом.

Несколько секунд просто стоял, глядя на место, где была дверь.

Потом тихо сказал:

— Когда-нибудь я всё-таки заставлю тебя объяснить, что

там произошло.

Но даже сейчас в голосе не было настоящей уверенности.

Лира не ответила.

И они пошли выше.

Глава 9

Лестница становилась уже.

Ступени — выше.

Камень под ногами местами осыпался, будто башня больше не хотела держать собственный вес.

Лира шла первой.

Теперь почти автоматически.

Кейн — следом.

Но уже не так близко, как раньше.

И оба это замечали.

После зала с дверью тишина между ними изменилась.

Стала осторожнее.

Будто любое слово могло сдвинуть что-то слишком хрупкое.

Или слишком опасное.

Лира чувствовала его взгляд.

Иногда.

Коротко.

Потом он сразу отворачивался.

Словно проверял:

это всё ещё она?

Она сама уже не знала ответа.

Чем выше они поднимались, тем сильнее менялась башня.

Сначала исчезли следы времени.

Трещины.

Пыль.

Сырость.

Камень стал гладким.

Почти новым.

Потом исчез звук шагов.

Совсем.

Ли́ра смотрела вниз и видела, как сапоги касаются ступеней.

Но башня больше не отвечала эхом.

Кейн заметил это позже.

И выругался шёпотом.

— Это место с каждым этажом становится хуже.

— Нет.

Ли́ра не обернулась.

— Ближе.

Кейн помолчал.

— Ты уже говоришь как он.

Она резко остановилась.

Повернулась.

Кейн сразу напрягся.

Неосознанно.

Совсем немного.

Но достаточно.

Ли́ра почувствовала это мгновенно.

И снова внутри что-то дрогнуло в ответ.

Голодно.

Тихо.

Она закрыла глаза.

Сделала вдох.

Медленный.

— Я пытаюсь не думать об этом.

Кейн смотрел на неё долго.

Потом кивнул.

— Вижу.

Но облегчения в голосе не было.

Они пошли дальше.

В какой-то момент Лира поняла:

лестница больше не ведёт вверх.

Пространство искривилось.

Иногда ступени уходили под невозможным углом.

Иногда поворачивались так, будто башня внутри медленно двигалась.

Но при этом они всё равно поднимались.

Как — она уже не понимала.

Кейн тихо сказал:

— Смотри.

В стене появилась дверь.

Обычная.

Деревянная.

Приоткрытая.

Изнутри шёл свет.
Тёплый.
Жёлтый.
Домашний.
Лира замерла.
Запах ударил сразу.
Хлеб.
Травы.
Дым печи.
И что-то ещё.
Слишком знакомое.
Она подошла ближе.
Очень медленно.
Кейн схватил её за локоть.
— Не надо.
— Я знаю это место.
— Именно поэтому не надо.
Лира смотрела в щель двери.
Сердце билось слишком быстро.
За дверью слышались голоса.
Смех.
Посуда.
Живая жизнь.
Не память площади.
Настоящая.
Она знала это раньше мысли.

— Лира.

Кейн держал крепче.

— Это ловушка.

— Да.

Она сказала это спокойно.

Почти шёпотом.

— Но я хочу увидеть.

Кейн медленно отпустил руку.

Не потому что согласился.

Потому что понял:

если удержит сейчас — она всё равно войдёт.

Лира толкнула дверь.

Комната оказалась маленькой.

Тёплый свет ламп.

Стол.

Деревянные стены.

Огонь в печи.

И люди.

Они сидели за столом и разговаривали так спокойно, будто мир ещё не сломался.

Женщина с тёмными волосами смеялась, поправляя рукав.

Мужчина у окна что-то рассказывал, размахивая кружкой.

Мальчик лет десяти пытался стащить хлеб со стола.

Лира замерла.

Потому что знала их всех.

Не имена.

Глубже.

Ощущением.

Памятью.

И тогда женщина подняла голову.

Улыбнулась.

— Ты опоздала.

У Леры сбилось дыхание.

Кейн стоял в дверях.

Не заходил.

— Лира...

Она почти не слышала его.

Женщина подошла ближе.

Тёплая.

Живая.

Настоящая.

И слишком похожая на неё.

Не внешне.

Взглядом.

— Ты всё-таки пришла.

Лира смотрела молча.

Женщина мягко коснулась её щеки.

И прикосновение оказалось настоящим.

Не как память.

Не как иллюзия.

Тёплая кожа.

Дрожь пальцев.

— Нет, — тихо сказала Лира.

Женщина улыбнулась грустнее.

— Да.

Кейн шагнул внутрь.

Осторожно.

— Кто это?

Женщина посмотрела на него.

Спокойно.

Без страха.

— Ты уже знаешь.

Лира почувствовала, как внутри начинает подниматься паника.

Не страх башни.

Хуже.

Личная.

— Ты умерла.

Слова прозвучали почти беззвучно.

Женщина долго смотрела на неё.

Потом тихо ответила:

— Для тебя.

Комната стала тише.

Будто мир вокруг замедлился.

Лира сделала шаг назад.

— Нет.

— Ты всё ещё так делаешь.

Женщина опустила руку.

— Когда страшно — начинаешь отрицать.

Кейн внимательно смотрел между ними.

И постепенно понимал.

— Это твоя мать?

Лира не ответила.

И этого хватило.

Женщина посмотрела на Кейна.

Потом снова на Лиру.

— Ты никому о нас не рассказывала.

Тишина.

Лира стиснула зубы.

— Потому что вас нет.

— Нет.

Женщина подошла ближе.

Теперь почти вплотную.

— Потому что тогда пришлось бы вспомнить всё осталь-

ное.

Внутри что-то резко сжалось.

Лира почувствовала запах дождя.

Мокрой земли.

Крови.

Ночной дороги.

Память ударила внезапно.

Дом.

Крики.

Огонь.

Она бежит через лес.

Ключ в руках.

Слишком тяжёлый для ребёнка.

И голос матери:

— Не останавливайся.

Лири резко открыла глаза.

Комната дрогнула.

Свет мигнул.

Кейн шагнул к ней.

— Что ты увидела?

— Ничего.

Женщина грустно усмехнулась.

— Лири.

Тихо.

Почти ласково.

— Ты ведь уже помнишь.

Комната снова дрогнула.

На секунду стены почернели.

Будто сквозь дерево проступил настоящий камень башни.

Женщина не изменилась.

Только глаза стали глубже.

Старше.

— Он не нашёл тебя тогда.

Лири молчала.

— Но нашёл нас.

Кейн замер.

— Что это значит?

Женщина посмотрела на него.

— Ты думаешь, всё началось в городе у воды?

Пауза.

— Нет.

Она снова повернулась к Лире.

— Всё началось раньше.

Внутри стало холодно.

Потому что Лира уже знала.

Просто слишком долго не позволяла себе собрать части
вместе.

Ключ.

Дверь.

Башня.

Она уже была здесь.

Очень давно.

Ребёнком.

Кейн тихо сказал:

— Лира...

Она не слышала.

Память начала открываться слишком быстро.

Коридор.

Крики.

Чёрная дверь.

И отец, который держит её за плечи и говорит:
— Если мы не закроем её сейчас — умрут все.

Ли́ра пошатнулась.

Женщина шагнула вперёд.

— Не смотри дальше.

Но было поздно.

Следующее воспоминание ударило сильнее.

Отец открывает дверь.

Что-то выходит.

Не тело.

Не человек.

Тьма.

Живая.

Голодная.

А потом —

она.

Маленькая Ли́ра.

С ключом.

Закрывает дверь обратно.

И оставляет снаружи родителей.

Комната исчезла.

Свет погас.

Осталась только башня.

Камень.

Тишина.

И Кейн, который смотрел на неё так, будто впервые увидел

по-настоящему.

Лира стояла неподвижно.

Пальцы дрожали.

— Я...

Голос сорвался.

Кейн медленно спросил:

— Ты заперла их?

Она закрыла глаза.

И впервые не смогла соврать.

— Да.

Тишина стала абсолютной.

Где-то далеко внутри башни что-то медленно задвигалось.

Будто само место услышало правду.

И проснулось.

Глава 10

Башня услышала.

Лира поняла это раньше звука.

Камень под ногами едва заметно дрогнул.

Потом ещё раз.

Глубже.

Будто внутри башни медленно просыпалось что-то огромное.

Кейн смотрел на неё молча.

Слишком долго.

И хуже всего было то, что в его взгляде не осталось удивления.

Только понимание.

Тяжёлое.

Неприятное.

— Ты была ребёнком, — сказал он наконец.

Лира не ответила.

Потому что это ничего не меняло.

Кейн медленно провёл ладонью по лицу.

— Чёрт.

Он отвернулся.

Сделал несколько шагов по коридору.

Вернулся обратно.

Снова посмотрел на неё.

— Ты заперла родителей за дверью.

Не вопрос.

Факт.

Ли́ра чувствовала, как внутри начинает подниматься зна-
комая волна.

Стыд.

Страх.

И что-то ещё.

Что-то холодное.

Спокойное.

— Они сказали закрыть её.

— А ты?

Ли́ра закрыла глаза.

Перед ней снова вспыхнуло воспоминание.

Отец толкает её к лестнице.

Мать держит дверь.

За щелью — темнота, которая дышит.

— Беги.

Маленькая Ли́ра плачет.

Не хочет уходить.

А потом слышит крик.

И закрывает дверь.

Потому что слишком боится открыть снова.

Она резко открыла глаза.

— Я ушла.

Тишина.

Кейн долго смотрел на неё.

Потом тихо спросил:

— И никогда не возвращалась?

Лири усмехнулась.

Сухо.

Почти зло.

— Как видишь.

Башня снова дрогнула.

На этот раз сильнее.

Где-то далеко посыпался камень.

По стенам пошла пыль.

Кейн поднял голову.

— Мне кажется, ей не нравится этот разговор.

— Нет.

Лири смотрела в темноту впереди.

— Она ждала его слишком долго.

— Кого?

Ответ пришёл раньше, чем она успела подумать.

— Меня.

Тишина стала плотнее.

Кейн медленно покачал головой.

— Ты это слышишь?

— Уже нет.

— Тогда откуда —

Лири подняла взгляд.

И поняла.

Она больше не слышала голос отдельно.

Он не говорил.

Не шептал.

Она просто знала.

Это оказалось хуже.

Намного.

Кейн заметил, как изменилось её лицо.

— Лира.

Она не ответила.

Потому что внутри снова что-то дрогнуло.

Башня.

Не стены.

Глубже.

Сама структура места отзывалась на неё.

Будто узнала.

Кейн шагнул ближе.

Очень осторожно.

— Что происходит?

Лира провела ладонью по стене.

Камень под пальцами оказался тёплым.

Почти живым.

И в этот момент башня ответила.

Коридор впереди изменился.

Стены медленно разошлись.

Тьма за ними дрогнула.

И открылся проход, которого секунду назад не было.

Кейн выругался.

— Нет.

Ли́ра смотрела вперёд.

Спокойно.

Слишком спокойно.

— Она пропускает нас дальше.

— Нет, — резко сказал Кейн.

— Она пропускает тебя.

Эти слова ударили сильнее, чем он хотел.

Ли́ра медленно повернулась.

— И?

Кейн открыл рот.

И замолчал.

Потому что ответа не было.

Она уже была связана с этим местом.

Слишком глубоко.

— Это плохо кончится, — тихо сказал он.

Ли́ра усмехнулась.

— Всё уже плохо кончилось.

И пошла вперёд.

Новый коридор оказался другим.

Не древним.

Почти жилым.

На стенах висели лампы.

Некоторые ещё горели.

Тускло.

Жёлтым светом.

В воздухе пахло книгами, воском и старой тканью.

Будто здесь кто-то жил.

Долго.

Кейн остановился у стены.

Провёл пальцами по полке.

На коже осталась пыль.

— Это невозможно.

Лира заметила книги.

Сотни.

На полках.

На столах.

На полу.

Некоторые раскрыты.

Некоторые исписаны вручную.

Башня выглядела не как тюрьма.

Как архив.

Кейн медленно взял одну книгу.

Пролистал.

И побледнел.

— Что?

Он молча повернул страницы к ней.

И Лира увидела рисунки.

Дверь.

Ключ.

Башня.

Снова и снова.

Разными руками.

Разными почерками.

На некоторых страницах были даты.

Очень старые.

Слишком старые.

— Люди приходили сюда раньше, — тихо сказал Кейн.

— Да.

Она уже поняла это раньше него.

Кейн листал дальше.

И вдруг замер.

— Лира.

Она подошла ближе.

На странице был портрет.

Грубый.

Сделанный углём.

Но узнать лицо оказалось легко.

Он.

Тот, кого она оставила.

Под рисунком — запись:

«Субъект сохраняет форму дольше остальных».

Лира почувствовала холод под кожей.

— Остальных?

Кейн перелистнул страницу.

Следующая запись:

«После третьего цикла память начинает разрушаться».

Следующая:

«Носитель сопротивляется слиянию».

Следующая:

«Дверь нельзя закрывать навсегда».

Тишина.

Лира медленно забрала книгу.

Страницы дрожали в пальцах.

Не от страха.

От понимания.

— Это не тюрьма, — сказала она.

Кейн поднял взгляд.

— Тогда что?

Она долго смотрела на записи.

Потом тихо ответила:

— Механизм.

Башня снова дрогнула.

Но теперь звук шёл не снизу.

Сверху.

Что-то двигалось над ними.

Тяжёлое.

Медленное.

Кейн резко закрыл книгу.

— Нам надо уходить.

Лира не двинулась.

На последней странице была схема.

Круг.

Башня.

Дверь.

И подпись:

«Если носитель вернётся — цикл завершится».

Под текстом — ещё одна строка.

Другим почерком.

Более неровным.

Будто человек писал в спешке:

«Не позволяйте ей открыть дверь снова».

Кейн заметил, как изменилось её лицо.

— Что там?

Лира медленно подняла взгляд.

— Они знали про меня.

Тишина.

Кейн забрал книгу.

Прочитал.

И впервые за долгое время действительно растерялся.

— Это невозможно.

— Нет.

Она смотрела в темноту впереди.

— Очень даже возможно.

Где-то наверху снова раздался звук.

Шаг.

Только один.

Но башня ответила ему вся.

Кейн медленно поднял нож.

— Он идёт?

Лира чувствовала это иначе.

Не как приближение.

Как совпадение.

Будто две части одного механизма наконец начали сходиться.

И именно это пугало сильнее всего.

Она закрыла книгу.

— Нет.

Пауза.

— Он ждал, когда поднимусь я.

Свет ламп дрогнул.

Сразу всех.

И в тишине башни впервые прозвучал не голос.

Смех.

Тихий.

Усталый.

Почти человеческий.

Глава 11

Двери больше не было.

Ни щели.

Ни следа.

Только камень.

Холодный.

Глухой.

На стене остались старые царапины от чьего-то ножа.

Как будто он всегда был здесь.

Лира стояла перед стеной.

И всё ещё чувствовала тепло.

Оно не исчезло.

Осталось внутри.

Тонким слоем.

Как воспоминание, которое всё ещё держится.

— Идём, — сказал Кейн.

Она не ответила.

Не сразу.

— Лира.

Пауза.

Она медленно выдохнула.

— Да.

— Нам нужно идти.

— Я знаю.

Голос прозвучал устало.

Так, будто она повторяла это уже много часов подряд.

Она не двигалась.

Кейн сделал шаг ближе.

Остановился.

Слишком близко — и всё же не касаясь.

— Ты всё ещё там.

И Кейн явно не знал, злится он из-за этого или боится.

Кейн сказал это тихо.

И почему-то не как обвинение.

Как факт.

Лира закрыла глаза.

И на секунду тепло стало сильнее.

Комната.

Свет.

Голос.

— Ты вернулась?

Она резко открыла глаза.

— Нет.

Кейн не поверил сразу.

Это было видно.

Лира сказала это слишком быстро.

Почти резко.

Будто боялась услышать ответ.

Слово прозвучало жёстче, чем она ожидала.

Как будто говорила не только Кейну.

Она отвернулась от стены.

Посмотрела на лестницу.

Темнее.

Уже.

Чем раньше.

— Идём, — сказала она.

Они пошли.

С первых шагов стало ясно: что-то изменилось.

Башня больше не просто давила.

Она сопротивлялась.

Камень под ногами отзывался иначе.

Из глубины башни иногда доносился глухой металлический стук.

Не глухо.

Глубже.

Как будто шаги оставляли след где-то глубже.

Кейн пару раз оглянулся.

Будто ожидал, что лестница за спиной уже исчезла.

Стены чуть смещались.

С потолка сыпалась мелкая пыль.

Не на глаз.

Но телом это чувствовалось.

Как если бы пространство пыталось сжать их.

Ограничить.

Задержать.

— Она изменилась, — сказал Кейн.

— Нет.

Пауза.

Лирика шла, не оборачиваясь.

— Что-то изменилось в нас.

Кейн помолчал дольше обычного перед ответом.

Кейн коротко усмехнулся.

Без веселья.

— Отлично. Именно это я и хотел услышать.

Усмешка вышла усталой.

Тишина.

Они поднялись ещё выше.

Шаги стали быстрее.

Неосознанно.

Как будто хотелось пройти это место раньше, чем оно станет хуже.

И тогда раздался звук.

Сначала тихий.

Слишком тихий, чтобы быть уверенностью.

Потом яснее.

— Помогите...

Лира остановилась сразу.

Кейн выругался.

— Нет.

Кейн ответил слишком быстро.

Почти испуганно.

— Ты слышишь?

— Да.

— Он живой.

— Нет.

Пауза.

Голос снова:

— Пожалуйста...

И в этот раз это было не просто звук.

Это было чувство.

Страх.

Живой.

Сильный.

Настоящий.

Лири закрыла глаза.

На секунду.

И позволила ему коснуться.

Он не был таким, как раньше.

Не резким.

Не захлёстывающим.

Он был глубоким.

Живым.

Как пульс.

Она открыла глаза.

— Он настоящий.

Лири сама услышала, насколько уверенно это прозвучало.

И это испугало её сильнее.

Кейн резко повернулся к ней.

— Ты не можешь знать.

И в этот раз в голосе Кейна было больше надежды, чем уверенности.

— Могу.

Пауза.

— Я чувствую.

Кейн закрыл глаза на секунду.

Будто именно этого и боялся.

Он стиснул зубы.

— Ты уже не различаешь.

Лири не ответила.

Потому что часть её понимала:

он прав.

Но другая часть уже выбрала.

Она сделала шаг в сторону звука.

Кейн схватил её.

Жёстко.

— Нет.

Она остановилась.

Посмотрела на него.

Спокойно.

Слишком спокойно.

— Отпусти.

— Нет.

— Если он настоящий—

— Тогда он уже мёртв.

Слова прозвучали слишком резко даже для него самого.

Кейн сказал это жёстко.

Слишком жёстко.

Как будто пытался остановить не только её.

Тишина.

Слова повисли между ними.

Лира почувствовала, как внутри что-то отзывается.

Не на слова.

На возможность.

— Я проверю, — сказала она.

— Нет.

— Один раз.

— Нет.

Она вырвала руку.

Резко.

Без усилия.

Как будто он уже не держал.

И пошла.

Кейн стоял секунду.

Две.

Потом выругался и пошёл за ней.

— Когда-нибудь ты всё-таки послушаешь меня с первого
раза, — бросил он.

Но злости в голосе почти не осталось.

— Нет.

— Да, я тоже так думаю.

Проход был узкий.

Пол здесь стал влажным и скользким.

Темнее, чем раньше.

И странно короткий.

Как будто расстояние сжалось.

Они вышли в комнату.

И он был там.

Человек.

Привязан к стене.

Руки подняты.

Запястья стянуты.

Верёвка была обычной корабельной — грубой, пропитанной солью.

Кровь.

Свежая.

Настоящая.

Капли уже засохли на камне под ним.

Она уже успела подсохнуть на руках.

Но всё ещё пахла железом.

Он поднял голову.

Под глазом темнел старый синяк.

Медленно.

С усилием.

И когда увидел их, в его глазах вспыхнула надежда.

Сильная.

Яркая.

Живая.

— Пожалуйста...

Голос сорвался.

Лира остановилась.

И сразу почувствовала его.

Не как звук.

Как состояние.

Страх.

Отчаяние.

Желание жить.

Это было сильнее, чем раньше.

Гораздо.

Кейн сказал тихо:

— Мы это уже видели.

Кейн сказал это так, будто заранее готовился к худшему.

— Нет, — ответила Лира.

— Да.

— Нет.

Пауза.

Она сделала шаг.

Кейн встал перед ней.

Перекрыл путь.

— Не надо.

Она остановилась.

Смотрела на него.

— Почему?

— Потому что ты уже решила.

И в этот раз Кейн даже не пытался её удержать сразу.

Тишина.

Он был прав.

Она уже решала.

Лири медленно обошла его.

Кейн не стал удерживать.

Потому что понял:

дело уже не в этом.

Она подошла ближе.

Человек дёрнулся.

— Пожалуйста...

Его голос стал слабее.

Но страх — сильнее.

Лири сделала ещё шаг.

И остановилась.

Слишком близко.

Она чувствовала его дыхание.

Рваное.

Сбитое.

Каждый вдох давался с трудом.

Каждый выдох — ещё тяжелее.

Его глаза были открыты.

Смотрели на неё.

Не просто с надеждой.

С доверием.

Будто уже поверил им.

И именно это делало всё хуже.

Лира опустилась чуть ниже.

Чтобы быть на его уровне.

— Ты слышишь меня? — спросила она.

Он кивнул.

С трудом.

— Да...

— Ты здесь давно?

Лира сама не заметила, как начала говорить тише.

Почти мягко.

Он сглотнул.

— Я... не знаю...

Голос дрожал.

— Он... приходит...

Лира замерла.

— Кто?

— Я... не вижу...

Пауза.

— Но он... забирает...

Слова обрывались.

Но страх — нет.

Лира закрыла глаза.

И позволила.

Сначала — как раньше.

Касание.

Но теперь она не остановилась.

Она вдохнула.

Глубже.

Во рту появился горячий металлический привкус.

И страх потёк в неё.

Не как вспышка.

Как поток.

Тёплый.

Живой.

Он наполнял.

Делал всё вокруг резче.

Убирал лишнее.

Мир стал резче.

Звуки — чище.

Тело — легче.

Исчезла усталость.

Исчез страх.

На несколько секунд исчезло вообще всё лишнее.

Она почувствовала:

его сердце,

его пульс,

его отчаяние.

И внутри возникло желание.

Не прекратить.

Продолжить.

— Лира... — голос Кейна стал жёстче.

Впервые в нём появилось не предупреждение.

Страх потерять её окончательно.

Она не открыла глаза.

Потому что не хотела терять это.

Человек дёрнулся сильнее.

Слабее.

Парадоксально.

— Пожалуйста... — прошептал он.

Но теперь в голосе было меньше силы.
Потому что она уже взяла часть.
Лира медленно выдохнула.

И вдохнула снова.

Глубже.

И в этот момент она поняла.

Она может взять больше.

Гораздо больше.

И никто её не остановит.

Эта мысль пришла спокойно.

Без ужаса.

И от этого стала ещё страшнее.

Кейн шагнул вперёд.

Резко.

Схватил её за плечо.

— Хватит.

Кейн схватил её почти грубо.

Она открыла глаза.

Медленно.

И посмотрела на него.

В этом взгляде было что-то новое.

Не злость.

Не страх.

Контроль.
Кейн замер.

На секунду.
И Лира увидела:

теперь он боится её по-настоящему.

— Лира... — сказал он тише.

Теперь осторожнее.

Как будто Кейн больше не был уверен, кто перед ним.

Она не двигалась.

— Отпусти его.

Пауза.

Лира посмотрела на человека.

Он почти не держался.

Голова опустилась.

Глаза закрывались.

Живой.

Но на грани.

И в этот момент внутри неё столкнулись две вещи.

Она может спасти.

И она может стать сильнее.

Пауза.

Долгая.

Тяжёлая.

Кейн сказал:

— Пожалуйста.

Это слово явно далось Кейну тяжелее всего.

Это прозвучало почти хрипло.

Слишком по-человечески для просьбы.

Лира перевела взгляд на него.

И впервые увидела.

Не страх.

Отчаяние.

Настоящее.

Глубокое.

Человеческое.

Это задело сильнее, чем она ожидала.

Она почувствовала его тоже.

И на секунду захотела взять и это тоже.

Она резко вдохнула.

И остановилась.

— Нет.

Кейн выдохнул так резко, будто сам только сейчас понял, насколько ждал этого ответа.

Слово было для себя.

Она оттолкнула руку Кейна.

Не сильно.

Но достаточно.

И отступила.

Резко.

Как будто вырвалась.

Человек рухнул.

Верёвки натянулись и тихо скрипнули.

Слабо.

Без сил.

Лира смотрела на него.

И знала.

Он выживет.

Но уже другим.

Лира не знала, откуда появилась эта мысль.

Но была уверена, что это правда.

Тишина.

Кейн не двигался.

Потом сказал.

Тихо.

Очень тихо:
— Ты могла его спасти.
Но даже сейчас Кейн говорил без злости.

Только с усталостью.
Лира не ответила.
Потому что могла.
Он сделал шаг к человеку.

Опустился рядом.

Проверил дыхание.
— Он жив, — сказал он.
Но без облегчения.
Потому что это уже не было победой.
Он поднялся.

Медленно.
И посмотрел на неё.
В этом взгляде не было злости.
Это было хуже.

Только разочарование.
Глубокое.

Тихое.

Окончательное.

Кейн выглядел уставшим.

Так, будто за последние несколько минут постарел сильнее, чем за всё время в башне.

— Я тебя не узнаю, — сказал он.

И, кажется, уже не был уверен, хочет ли узнавать дальше.

Пауза.

Ли́ра ответила:

— Я тоже.

Тишина.

И в этот момент что-то между ними окончательно сломалось.

Не сразу.

Но окончательно.

Ли́ра повернулась.

— Идём.

Кейн не двигался.

Секунду.

Потом пошёл.

Они вышли.

Голос за спиной не прозвучал.

Он не просил.

Он просто остался.

И от этого стало тяжелее.

Лира шла.

И чувствовала:

внутри стало больше.

И пустее одновременно.

Она не обернулась.

Кейн тоже.

Но по другой причине.

Глава 12

Они шли долго.

Дольше, чем нужно.

Дольше, чем позволяла логика.

Лестница не менялась — и именно это было хуже всего.

Камень под ногами был стёрт почти до гладкости.

Никаких ловушек.

Никаких голосов.

Никакого давления.

Только шаги.

И тишина между ними.

Кейн несколько раз будто собирался что-то сказать.

И каждый раз смотрел на неё дольше, чем раньше.

Но каждый раз передумывал.

Лирика шла первой.

Считая ступени.

Не потому, что это помогало.

Просто отвлекало.

От другого.

От того, что произошло.

На сорок восьмой ступени она сбилась.

На некоторых ступенях виднелись старые тёмные пятна
от воды.

И начала сначала.

Она чувствовала внутри остаток.

Не страх.

Не вину.

Что-то более устойчивое.

Будто внутри что-то перестало дрожать.

Как будто она стала плотнее.

Тяжелее.

И одновременно всё стало яснее.

Сзади шёл Кейн.

И она знала:

он смотрит.

Не постоянно.

Но достаточно.

Она не оборачивалась.

Ни разу.

— Ты даже не проверила, иду ли я, — сказал он наконец.

Голос прозвучал почти обиженно.

И Кейну это не понравилось.

Голос звучал устало.

Так, будто он молчал слишком долго.

Ли́ра остано́вилась не сразу.
Сделала ещё шаг.
Потом ещё.
Только потом повернулась.
Он стоял ниже на несколько ступеней.
Руки опущены.

Плечи напряжены.
Под глазами у Кейна легли тёмные тени от усталости.
— Ты идёшь, — сказала она.
Ответ получился почти автоматическим.
И это ей самой не понравилось.
— Это не ответ.

Пауза.
— Я знаю, что ты идёшь.
— Ты знаешь, потому что чувствуешь?
Слово повисло между ними.
Ли́ра не отвела взгляд.
— Да.

Кейн усмехнулся.
Коротко.
Глухо.
— Отлично.
Усмешка вышла короткой и злой.
Теперь ты даже говоришь как он.
Тишина.

Он поднялся на одну ступень.

Потом ещё.

Остановился.

Теперь они стояли почти на одном уровне.

— Скажи, — произнёс он.

— Это было нужно?

Лири знала, о чём он.

Сразу.

— Да.

Она не смягчила.

Не объяснила.

Не отвела.

Просто сказала.

Кейн кивнул.

Очень медленно.

— Нужно.

Повторил.

Пауза.

— Ему тоже было нужно, — добавил он.

Лири сжала пальцы.

Незаметно.

— Он жив.

Кейн резко выдохнул.

Сдержанно.

Но слишком резко, чтобы это было спокойно.

— Это не аргумент.

Кейн ответил слишком быстро.

Будто уже спорил с этим сам.

— Это факт.

— И что?

Он шагнул выше.

Сапог скользнул по каменной пыли.

— Это делает тебя правой?

Лира смотрела на него.

Долго.

Ответ пришёл не сразу.

— Я стала сильнее

Кейн сразу отвёл взгляд.

Всего на секунду.

Слова прозвучали раньше, чем она успела подумать.

И сразу сделали воздух между ними тяжелее.

В нем остались слова.

И Лира услышала их.

Сама.

Кейн тоже услышал.

И что-то в его лице изменилось.

— Вот, — сказал он тихо.

— Вот это.

Теперь в голосе Кейна почти не осталось сомнений.

Он сделал ещё шаг.

Теперь между ними почти не было расстояния.

— Ты даже не говоришь: «я выжила».

Пауза.

— Ты говоришь: «я стала сильнее».

Лира нахмурилась.

— Ты хочешь, чтобы это было одним и тем же.

— Нет.

Он покачал головой.

— Это разные вещи.

Пауза.

Первое — необходимость.

Ещё пауза.

— Второе уже выбор.

Тишина.

Лира почувствовала, как внутри что-то сдвинулось.

Небольшое.

Но осязаемое.

— У меня не было выбора, — сказала она.

Она сказала это слишком быстро.

И Кейн заметил.

— Был.

Кейн ответил сразу.

Слишком резко.

— Ты могла остановиться.

— И что?

— И он бы умер.

Пауза.

— Он всё равно почти умер.

Тишина.

Кейн смотрел на неё.

Долго.

— Но не из-за тебя.

Кейн произнёс это тише.

Почти устало.

Кейн отвёл взгляд.

Всего на секунду.

Но впервые за разговор.

Лира молчала.

И этого хватило.

Он выдохнул.

— Скажи честно, — произнёс он.

— Ты хотела продолжить?

Пауза.

Лира не ответила.

Он сделал ещё шаг.

— Я не спрашиваю, что ты сделала.

Пауза.

— Я спрашиваю, что ты хотела.

Теперь Кейн уже не звучал злым.

Только уставшим.

Тишина.

Лира открыла рот.

И закрыла.

Она поймала себя на том, что подбирает правильный ответ.

И это оказалось опаснее.

Кейн усмехнулся.

— Вот.

Он отступил на полшага.

Как будто внутри что-то оборвалось.

— Тогда скажи другое.

Пауза.

— Если бы нужно было — ты бы его убила?

Лира подняла взгляд.

— Да.

Тишина.

Глубокая.

Кейн закрыл глаза.

Ненадолго.

Но достаточно.

Когда открыл — в них уже не было прежнего.

— Я думал, ты остановишься.

Пауза.

— Я остановилась.

— Нет.

Жёстко.

— Ты просто не закончила.

Слова прозвучали ровно.

Но в них было больше, чем раньше.

Он сделал шаг ближе.

— Ты почувствовала это.

Он произнёс это как обвинение.

Пауза.

— И тебе понравилось.

Лира резко ответила:

— Нет.

Слишком резко.

Кейн сразу уловил.

— Тогда почему ты вернулась за вторым вдохом?

Тишина.

Слова ударили.

Точно.

Лира отвела взгляд.

На секунду.

И этого хватило.

Кейн выпрямился.

— Тогда мы закончили.

И в этот момент Лира поняла:

он действительно может уйти.

Кейн сказал это тихо.

Без злости.

И от этого стало хуже.

— Подожди.

Слово вырвалось быстрее, чем она хотела.

Он замер.

И это было тяжело.

Он мог уйти.

Но ещё не ушёл.

— Что? — спросил он.

Лира сжала руку.

— Это не так просто.

Она услышала в собственном голосе усталость.

Настоящую.

Не от башни.

Он покачал головой.

— Это как раз очень просто.

Кейн сказал это жёстче, чем собирался.

Пауза.

— Если я останусь с тобой...

Он замолчал.

Провёл рукой по лицу.

— ...я начну это понимать.

Нервно потёр ладонь о рукав.

Слишком знакомым движением.

— А потом — делать.

Он почти выплюнул последнее слово.

Он посмотрел на неё.

— Я уже видел, как это происходит.

Пауза.

Лири сделала шаг к нему.

— Ты уже это сделал.

Слова сорвались быстрее, чем она собиралась.

Почти как удар.

Кейн замер.

— Да.

Пауза.

— Именно поэтому я знаю, чем это заканчивается.

Тишина.

Она шагнула ещё ближе.

— Тогда не притворяйся, что ты другой.

Кейн дёрнулся так, будто она ударила точнее, чем хотела.

Слова задели сильнее, чем она ожидала.

Кейн резко вдохнул.

И на секунду сделал шаг к ней.

Рука поднялась.

Лири впервые увидела:

он действительно хотел её ударить.

Не полностью.

Но достаточно, чтобы понять:

он почти —

Остановился.

Пальцы дрогнули, будто он сам испугался этого движения.

Рука зависла.

Тишина.

Он смотрел на неё.

И на секунду показалось, что он всё-таки ударит её.

Но он опустил руку.

Медленно.

Разница в том, — сказал он, — что мне это отвратительно.

Пауза.

— А ты — нет.

Слова прозвучали почти с отвращением.

И к ней, и к себе.

Кейн сказал это почти шёпотом.

Будто сам не хотел слышать это вслух.

Лира открыла рот.

И снова ничего.

Потому что внутри не было ответа.

Кейн увидел.

И этого стало достаточно.

Он развернулся.

Сделал шаг вниз.

Остановился.

Долго.

Как будто ждал.

Лира сказала тихо:

— Если ты уйдёшь...

Он не обернулся.

— Я уже ушёл.

Но голос дрогнул едва заметно.

Пауза.

Он сделал ещё шаг.

И пошёл.

Лира не двигалась.

Слушала.

Шаги.

Каждый.

Пока они не исчезли.

Она только сейчас поняла, насколько привыкла к тому, что он рядом.

Тишина.

И вдруг стало слишком легко.

Она вдохнула.

И внутри что-то откликнулось.

Спокойствие.

Не чужое.

Её.

Она стояла неподвижно ещё несколько секунд.

Где-то глубоко в башне снова прозвучал далёкий металлический стук.

Проверяя, не чувствует ли вину.

Но внутри было тихо.

Это пугало сильнее всего.

Лира открыла глаза.

Посмотрела вверх.

Лестница ждала.

Теперь — без него.

Она сделала шаг.

Вверх.

Глава 13

Лестница больше не звучала.

Раньше шаги отдавались в камне.

Глухо, но всё же — ответом.

Теперь — нет.

Как будто звук здесь больше не нужен.

Или его просто не было.

Первые несколько минут она всё ещё автоматически оставляла место справа.

И только потом поняла, что делает.

Будто Кейн идёт рядом.

Но Лира шла одна.

Это чувствовалось не сразу.

Не в тот момент, когда шаги Кейна исчезли.

Позже.

Когда она поймала себя на том, что больше не прислушивается.

Раньше она всегда слушала.

Даже когда молчала.

Даже когда не оборачивалась.

Она знала, где он.

Сколько шагов между ними.

Дышит ли он ровно.

Смотрит ли на неё.

Теперь — нет.

Она поймала себя на том, что несколько раз хотела что-то сказать вслух.

И каждый раз вспоминала, что отвечать некому.

Она остановилась.

Не потому, что устала.

Потому что вдруг стало слишком тихо.

Тишина была не просто отсутствием звука.

Слишком чистой.

Лира закрыла глаза и попыталась почувствовать.

Раньше внутри было чужое.

Смешанное.

Шумное.

Теперь — ровно.

Всё стало ровным.

Она открыла глаза.

И поняла:

она не чувствует Кейна.

Совсем.

Это не было неожиданностью.

Но внутри стало слишком пусто.

Но всё равно ударило.

Не болью.

Пустотой.

Ли́ра провела ладонью по лицу.

Медленно.

Словно пыталась проснуться.

Выдохнула и пошла дальше.

Шаги стали ровнее.

Увереннее.

Никто не останавливал.

Никто не спорил.

Никто не заставлял объяснять.

И от этого стало слишком легко.

Она поднималась быстрее, чем раньше.

И только через несколько пролётов заметила это.

Башня не сопротивлялась.

Не давила.

Не сжимала.

Как будто больше не сопротивлялась.

Ли́ра остановилась снова.

И впервые подумала:

это плохо.

Она подняла руку и провела пальцами по стене.
Камень был влажным в трещинах.

Камень был тёплым.
Не живым.

Уже почти привычным.

Не холодным, как раньше.
— Ты привыкла, — сказал голос.
Она не вздрогнула.

Не обернулась.
Потому что знала: он здесь.
— Да, — сказала она.
Тишина.
Он появился не сразу.
Сначала — ощущение.

Потом — контур.

Потом — он.
Стоял чуть выше.

Как будто всегда был там.

— Быстро, — сказал он.

Лири подняла взгляд.

— Что?

— Ты привыкла быстрее, чем я ожидал.

В его голосе почти слышалось удивление.

Пауза.

— Это плохо?

Он чуть улыбнулся.

— Для кого?

Лири коротко выдохнула носом.

Почти смешок.

— Хороший вопрос.

Он спустился на ступень ниже.

Медленно.

— Ты чувствуешь разницу?

— Да.

— И?

Пауза.

Лири сказала честно:

— Стало легче.

И признание далось ей слишком просто.

Он кивнул.

— Конечно.

— Почему?

— Потому что раньше тебе нужно было бороться.

Пауза.

— А теперь — нет.

Лири смотрела на него.

— Это значит, что я справляюсь.

Он усмехнулся.

Тихо.

— Это значит, что ты больше не сопротивляешься.

Слова прозвучали спокойнее, чем раньше.

Почти мягко.

Он сказал это спокойно.

Без удовольствия.

Почти устало.

Слова повисли.

Лири не отвела взгляд.

— Это не одно и то же.

— Нет, — сказал он. — Это именно одно и то же.

Он сделал шаг в сторону.

Лестница за его спиной стала шире.

Нет — не шире.

Она открылась.

Как будто камень расступился не потому, что его застави-
ли, а потому, что пришло время.

Перед Лирой был зал.

Под потолком висели потемневшие балки, уходящие в
темноту.

Большой.

Тёмный.

Но не пустой.

В центре стоял длинный каменный стол.

По краям столешницы шли старые царапины и следы от
ножей.

На нём лежали предметы.

Четыре.

Нож.

Ключ.

Кольцо.

Чаша.

Все предметы лежали на разных кусках выцветшей ткани.
Лира почему-то сразу посмотрела на чашу.

И только потом — на остальное.
Она остановилась у входа.

Не сразу вошла.
Зал был тихим.

Слишком тихим.
Не как ловушка.

Как ожидание.
— Что это? — спросила она.
— Выбор.
Она усмехнулась.

Без радости.
— Я уже делала выбор.
— Нет.
Он прошёл мимо неё и остановился у стола.
— Ты реагировала.

Он сказал это так, будто давно ждал момента, когда она начнёт выбирать сама.

Пауза.

— Сейчас выбор за тобой.

Ли́ра не двинулась.

Она смотрела на предметы.

Они были простыми.

И от этого казались ещё опаснее.

— Что они делают?

Он не ответил сразу.

— Они не делают.

Пауза.

— Они показывают.

— Что?

Он посмотрел на неё.

— Тебя.

Ли́ра сделала шаг.

Потом ещё.

Стол оказался ближе, чем казался.

Нож лежал первым.

Лезвие было заточено совсем недавно.

Короткий.

Тёмный.

Без украшений.

Но от него шёл холод.

Не физический.

Понятный.

Чёткий.

Как что-то, в чём давно всё решено.

Лира протянула руку.

Остановилась.

Она знала это чувство.

Нож обещал простое решение.

Не мир.

Не спасение.

Просто конец.

Один удар.

Одна линия.

Одна точка.

Он сказал:

— Ты умеешь заканчивать.

Она не посмотрела на него.

— Нет.

— Умеешь.

Пауза.

— Просто не всегда признаёшь, что хочешь.

Пальцы Лир почти коснулись рукояти.

И в этот момент она увидела.

Не видение.

Возможность.

Он перед ней.

Не человек.

Не воспоминание.

Не голос.

А то, чем стал.

И нож входит туда, где должно быть сердце.

Лира почувствовала, как пальцы сами начали сильнее сжиматься.

Будто тело уже поверило в это раньше неё.

Тьма раскрывается.

Падает.

Становится её.

Мир замолкает.

И больше никто не просит.

Никто не мешает.

Никто не смотрит с разочарованием.

Лира отдёрнула руку.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это не выбор.

— Разве?

Она стиснула зубы.

— Это конец.

Он мягко ответил:

— Иногда конец — самое честное решение.

Теперь он говорил почти как человек, который сам когда-то выбрал это.

Он произнёс это почти мягко.

Как человек, который давно себя убедил.

— Не сегодня.

Она перевела взгляд на ключ.

Он лежал рядом.

Тот самый.

Чёрный.

Тяжёлый даже на расстоянии.

Ключ не звал.

На металле остались следы старой ржавчины.

Он просто ждал.

И это было хуже.

Лира не хотела тянуться к нему.

И всё равно рука поднялась.

Пальцы дрогнули.

Тяжесть ключа появилась в ладони ещё до прикосновения.

Дверь.

Железо.

Его голос.

— Лира, открой.

Она вдохнула резко.

— Ты можешь вернуться.

Голос стал осторожнее.

Почти человеческим.

Голос был тише.

Почти осторожный.

— Сделать иначе.

Пауза.

— Не уйти.

Лира закрыла глаза.

И увидела.

Не башню.

Не этот зал.

Коридор.

Ту дверь.

Себя.

Моложе.

Испуганнее.

С ключом в руке.

Она могла повернуть его.

Могла открыть.

Могла сказать правду раньше.

Могла не дать этому случиться.

Пальцы коснулись ключа.

И зал исчез на мгновение.

Она стояла перед дверью.

Тогда.

Снова.

За ней был его голос.

Живой.

Настоящий.

— Лира?

Она почти повернула ключ.

Почти.

Желание всё исправить оказалось сильнее страха.

И тогда она увидела вторую вещь.

Позади себя.

Тень.

Стоящую близко.

Терпеливую.

Он был там.

Не сейчас.

Тогда.

В возможности.

Ждал, пока она выберет прошлое.

Лира резко отпустила ключ.

Вернулась в зал.

Дыхание сбилось.

Лира согнулась чуть вперёд.

Уперлась ладонью в стол.

Сердце билось слишком быстро.

— Это не моё, — сказала она.

Он наклонил голову.

— Разве?

— Это приманка.

— Всё приманка.

— Нет.

Она посмотрела на него.

— Это петля.

Впервые он не улыбнулся сразу.

Только через секунду.

— Ты стала внимательнее.

И это явно нравилось ему меньше.

— Ты стал хуже прятаться.

Она сама удивилась, насколько спокойно это сказала.

Он усмехнулся.

Но ничего не сказал.

Осталось кольцо.

С внутренней стороны виднелась почти стёртая гравировка.

Маленькое.

Почти незаметное.

Простое.

Без камня.

Без власти.

И всё равно от него шло тепло.

Не как от комнаты.

И не как от иллюзии дома.

Другое.

Тише.

Глубже.

Ощущение чьего-то присутствия.

Лири не сразу поняла, почему рука снова поднялась.

Потом поняла.

Кейн.

Имя пришло раньше воспоминания.

И это разозлило Лиру почти сразу.

И ударило сильнее.

Она замерла.

В груди что-то болезненно сжалось.

Кольцо не показывало лицо.

Не давало видение.

Оно давало ощущение:

кто-то рядом.

Кто-то не ушёл.

Кто-то всё ещё скажет:

стой.

Не делай.

Вернись.

Он сказал:

— Ты скучаешь.

Он произнёс это слишком уверенно.

Лира не ответила.

— Не по нему как по человеку, — продолжил он. — По тому, кем ты была рядом с ним.

Слова попали слишком точно.

Лира коснулась кольца.

Тепло усилилось.

И на секунду лестница, башня, зал — всё стало менее важным.

Она почувствовала за спиной шаги.

Тяжёлые.

Знакомые.

Кейн.

Она почти обернулась.

Почти сказала его имя.

Губы действительно успели приоткрыться.

Совсем немного.

Но остановилась.

Потому что поняла:

если обернётся — увидит то, что хочет.

Не то, что есть.

Она отпустила кольцо.

Медленно.

С усилием.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это не связь.

Пауза.

— Это зависимость.

Он смотрел на неё.

Внимательно.

— А если тебе нужна зависимость, чтобы не стать мной?

Впервые за разговор он действительно ждал ответа.

Тишина.

Ли́ра не отве́тила.

Потому́ что в э́тих слова́х было́ сли́шком мно́го пра́вды.

Она́ отве́ла взгля́д пер́вой.

И э́то разо́злило её́ си́льнее са́мих сло́в.

Оста́лась ча́ша.

Пу́стая.

Обы́чная.

Гру́бая гли́на ме́стами поте́мнела от вре́мени.

Ни хо́лода.

Ни те́пла.

Ни зо́ва.

Ни́чего.

И поэ́тому Ли́ра не мо́гла к ней при́косну́ться.

Но́ж бы́л поня́тен.

Клю́ч — поня́тен.

Кольцо́ — поня́тно.

Ча́ша — не́т.

Она́ вы́глядела́ насто́лько обы́чной, что э́то почти́ раздра́жало.

— Что́ с ней? — спроси́ла она́.

— Ни́чего.

— Тогда зачем она здесь?

— Потому что ты можешь сделать с ней что угодно.

Пауза.

— Или ничего.

Лири посмотрела внутрь.

Пустота чаши была странной.

Не мёртвой.

Не голодной.

Просто пустой и свободной.

Она не обещала силы.

Не обещала прошлого.

Не обещала, что кто-то вернётся.

И поэтому была самым страшным предметом на столе.

Лири медленно протянула руку.

Остановилась над краем.

— Это риск.

— Да.

— Это контроль?

Он улыбнулся.

— Нет.

Пауза.

— Это отсутствие контроля.

И именно поэтому Лира не убрала руку сразу.

Лира чуть сжала пальцы.

— Ты хочешь, чтобы я выбрала её?

Он ответил не сразу.

Это насторожило.

— Я хочу увидеть, что ты сделаешь.

Слишком честно.

Почти против собственной воли.

— Лжёшь.

— Да.

Лира неожиданно коротко усмехнулась.

Впервые за долгое время — по-настоящему.

Она посмотрела на него.

Он улыбнулся шире.

— Но не полностью.

Тишина.

Лира снова посмотрела на чашу.

Она ждала.

Не как дверь.

Не как ловушка.

Как что-то, чему она сама должна дать форму.

Лира коснулась края.
Ничего не произошло.
Ни вспышки.

Ни силы.

Ни голоса.
Только тишина.
Глубже, чем раньше.
И внутри что-то не исчезло.

Не очистилось.

Не стало лучше.
Просто давление внутри стало другим.
Как если бы она впервые за долгое время не взяла.

А оставила пространство.
Лира подняла чашу.
Она была лёгкой.

Почти невесомой.
Просто существовала в её руках.
Он смотрел на неё.

Уже без улыбки.

— Интересно.

Теперь он смотрел на чашу почти настороженно.

— Это плохо?

— Это непредсказуемо.

Пауза.

Лири кивнула.

— Ты этого не любишь.

Он чуть склонил голову.

— Я не люблю то, что не могу довести до конца.

В голосе впервые появилась раздражённость.

Лири держала чашу обеими руками.

— Тогда хорошо.

Он ничего не ответил сразу.

И это ощущалось почти как маленькая победа.

Она повернулась к выходу.

Лестница снова была там.

Выше.

Тише.

Темнее.

Но теперь она не казалась дорогой, которая ждёт.

Она теперь больше походила на вопрос.

Ли́ра сделала шаг.

С чаше́й в руках.

И впервы́е не знала, что́ будет да́льше.

И не пы́талась уга́дать.

По́зади он сказа́л:

— Ты всё́ равно́ чем-нибу́дь её́ напо́лнишь.

Ли́ра остано́вилась на се́кунду.

Не о́бернула́сь.

— Во́зможно.

Па́уза.

— Но́ не то́бой.

И по́шла вве́рх.

Гото́во. Внесены́ то́лько указа́нные изме́нения, без дру́гих
пра́вок.

Глава 14

Чаша была легче, чем должна была быть.

Лира держала её обеими руками.

Пальцы лежали на холодном крае, но холод был обычным — не мёртвым, не голодным, не тем, что шёл от него. Просто холод камня.

Край чаши был шероховатым, местами с мелкими сколами.

И это тревожило сильнее.

Лестница поднималась вверх.

Уже не такая узкая, как раньше. Не давящая. Не живая. Она стала почти обычной.

Башня как будто затаилась.

Лира шла медленно, потому что теперь каждый шаг был её решением.

До этого её вели: страх, вина, Кейн, голос, воспоминания, необходимость.

Даже когда она сопротивлялась, это тоже было реакцией.

Теперь — нет.

В руках была пустая чаша, и Лира не знала, что с ней делать.

Это раздражало.

Лира несколько раз меняла хват, будто пыталась устроить

чашу удобнее.

Но неудобно было не чаше.

— Ты ждёшь, что она заговорит? — спросил он.

Голос прозвучал сбоку.

Лира не обернулась.

— Нет.

— А выглядишь так, будто ждёшь.

— Ты слишком много смотришь.

— Я ничего больше не умею.

Она всё-таки покосилась на него.

— Это звучало жалко?

— Немного.

— Хорошо.

Она поднялась ещё на несколько ступеней.

Он шёл рядом. Не касаясь. Не мешая.

Это было страннее всего.

Он давил, подталкивал, ломал пространство, вытаскивал воспоминания, ставил перед ней двери, которых не должно было быть.

Теперь просто шёл рядом. Как будто они были спутниками.

И от этого становилось не по себе сильнее, чем от любых угроз.

Ли́ра поймала себя на том, что постоянно ждёт от него подвоха.

— Почему ты не пытаешься забрать её? — спросила она.

Он усмехнулся.

— А должен?

— Ты хотел, чтобы я выбрала другое.

— Хотел.

— Тогда почему не мешаешь?

Он посмотрел на чашу.

— Потому что я не знаю, что ты выбрала.

Это прозвучало честнее, чем обычно.

— Ты не знаешь?

— Нет.

— Лжёшь.

— Да.

Он улыбнулся.

— Но не полностью.

Ли́ра снова пошла.

— Ты повторяешься.

— А ты нервничаешь.

— А ты начинаешь слушать внимательнее.

— Не льсти себе.

Лестница закончилась без предупреждения.

Перед Лирой был длинный, прямой коридор. Впереди мерцал слабый, серый свет.

По обеим сторонам — стены из тёмного камня с редкими металлическими креплениями для факелов. Ни дверей, ни окон, ни знаков.

Пол здесь был выложен длинными тёмными плитами, стёртыми посередине.

Ли́ра вошла в коридор.

Чаша в руках стала чуть тяжелее.

Она остановилась и опустила взгляд.

Внутри по-прежнему было пусто. Но сама пустота изменилась.

Ли́ра осторожно наклонила чашу. Ничего. Даже звука.

— Что с ней?

Он стоял позади.

— Ты держишь её.

— Я заметила.

— Значит, она уже работает.

Ли́ра сжала край чаши.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

В его голосе прозвучало настоящее, почти человеческое раздражение.

Она обернулась.

Он не улыбался, и её это насторожило.

— Ты правда не знаешь.

Он выдержал взгляд.

— Я знаю, что делают нож, ключ и кольцо. Чаша появилась позже.

Он ответил слишком неохотно, будто сам не любил эту тему.

— Позже чего?

Он не ответил.

Вместо этого посмотрел вперёд.

— Иди.

— Нет.

Он повернул голову.

Лира сделала шаг к нему.

— Позже чего?

— Позже меня.

И впервые за долгое время он прозвучал не как хозяин башни.

Лира моргнула.

Не от страха. От неожиданности.

— Что это значит?

— Что не всё в этой башне принадлежит мне.

Он сказал это спокойно, но что-то в словах всё-таки дрогнуло.

Лира почувствовала это не как эмоцию, которую можно

взять, а как слабое место.

Эта мысль появилась мгновенно, и Лира сразу её испугалась.

Не потому, что пожалела его. Потому что поняла: теперь тоже ищет слабые места.

— Тогда кому?

Он посмотрел на чашу.

— Тому, что осталось от тех, кто не стал мной.

Лира опустила взгляд.

Чаша больше не казалась пустой — она будто ждала, но ничего не требовала.

— Те, кто был до меня, — сказала Лира.

— Некоторые.

— И они выбрали это?

— Не все.

— Что с ними стало?

Он молчал.

Лира поняла.

— Они умерли.

— Все умирают.

— Не так.

Он не ответил.

Коридор впереди дрогнул.

Свет стал ближе.

И в нём появилась фигура женщины.

На ней висел выцветший дорожный плащ с порванным рукавом.

Она стояла посреди коридора и держала руки перед собой, будто что-то несла.

Лира замерла.

— Это очередная проверка?

Он не ответил.

Женщина подняла голову — лицо было усталым, настоящим.

— Наконец, — сказала она.

Голос был сухой, будто она слишком долго говорила только шёпотом.

Лира не двинулась.

— Кто ты?

Взгляд женщины опустился на чашу.

— Та, кто не успела. Или успела слишком поздно.

Лира сжала пальцы.

— Ты настоящая?

Женщина улыбнулась и подошла ближе.

— В этой башне такой вопрос редко помогает.

Лира не отступила.

Но он отступил. Едва заметно, всего на полшага.

Но Лира это заметила. Женщина тоже.

— Боишься? — спросила она у него.

Он улыбнулся.

— Я давно не боюсь.

Женщина усмехнулась так, будто уже слышала это раньше.

— Нет. Ты слишком долго прячешься в чужом страхе.

Лира перевела взгляд на него.

Он спокойно смотрел на женщину.

Та повернулась к ней.

— Не слушай его, когда он говорит, что чаша ничего не делает.

Лира подняла чашу чуть выше.

— А что она делает?

— Не даёт выпить всё до дна, если ты сама не решишь иначе.

Лира нахмурилась.

— Объясни.

Женщина протянула руку.

Под ногтями у неё осталась вьевшаяся чёрная пыль башни.

— Ты уже почувствовала, что можешь забирать. Страх. Вину. Отчаяние. Всё, что в людях открыто раной.

Лира молчала.

— Чаша не остановит тебя. Она сохранит то, что ты не заберёшь.

Слова были простыми, но легли тяжело.

— То есть я должна оставлять?

Женщина покачала головой.

— Нет. Ты должна выбирать, что не трогать.

Лира опустила взгляд на собственные пальцы. Будто только сейчас заметила, как часто тянется к чужому.

Потом перевела взгляд на чашу.

Внутри была не тьма. Глубина.

— И, если я выберу неправильно?

Женщина усмехнулась.

— Ты уже выбирала неправильно. И всё ещё стоишь.

Он тихо сказал:

— Не делай из неё святую.

На этот раз усмешки в голосе не было.

Женщина даже не повернулась.

— Я делаю из неё человека. Это хуже для тебя.

Он усмехнулся и ничего не ответил.

Женщина сделала шаг ближе.

— Скоро ты услышишь не одного.

— Кого?

— Всех, кого он оставил в себе.

Лира посмотрела на него.

— Ты сказал, что питаешься эмоциями.

— Да.

— Но не сказал, что они остаются.

— Ты не спрашивала.

Женщина покачала головой.

— Они не исчезают. Остаются в нём. В башне. В местах, куда он сам не смотрит.

Чаша в руках стала тяжелее.

На дне что-то появилось. Не жидкость, не свет — едва видимая, тонкая тень.

Лира нахмурилась и чуть подняла чашу ближе к лицу.

— Что это?

Женщина посмотрела.

— Первый отказ.

До Лиры дошло не сразу.

Она только что могла забрать его страх. Его слабость. Но не стала.

В чаше осталось то, чего она не коснулась.

Лира выдохнула.

— Значит, она наполняется тем, что я не забираю.

— Да.

— И что будет, когда наполнится?

Женщина помедлила с ответом. Посмотрела на него, потом на Лиру.

— Тогда ты сможешь вернуть.

У Лиры внутри всё сжалось.

Он шагнул вперёд.

— Достаточно.

Коридор дрогнул.

Свет за спиной женщины начал гаснуть.

Она не испугалась, только быстрее сказала:

— Не всё. Не всех. Не прошлое. Но то, что он держит сейчас.

Лира сделала шаг к ней.

— Как?

— Дойдёшь — узнаешь.

— Куда?

Женщина улыбнулась.

— Туда, где он перестал быть один.

Свет погас.

Запах пыли стал сильнее, и женщина исчезла.

Коридор снова стал пустым.

Лира осталась с чашей в руках. На дне лежала маленькая тень. Почти ничто. Но она была.

Он стоял рядом. Очень тихий.

— Она солгала? — спросила Лира.

— Нет.

Это звучало хуже любой лжи.

— Тогда почему ты молчал?

Он улыбнулся.

— Потому что я надеялся, что ты выберешь нож.

— Это уже больше похоже на честность.

Она посмотрела на чашу. Потом на коридор впереди.

Света больше не было — только тёмный проход.

Но теперь она знала: не вся тьма здесь принадлежит ему.

Лири пошла дальше. Он не остановил её.

Впервые за всё время Лира почувствовала: он идёт рядом не потому, что ведёт. А потому что хочет знать, что она делает.

И от этого он казался почти человеком.